

Ли Љеж

МАРИОНЕТКИ
НА ЛАДОНИ

Ли Лъеж

Марионетки на ладони

«Издательские решения»

Льеж Л.

Марионетки на ладони / Л. Льеж — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906865-1

Две подруги возвращаются в город, чтобы выполнить очередной заказ на убийство. Наследник миллионера сбегает из дома, лишь бы не угодить в психиатрическую лечебницу. Близнецы, зарабатывающие на жизнь воровством, совершают самую неудачную кражу в своей жизни. Внук шамана идёт на сделку с людьми, которых ненавидит, потому что надеется их обыграть... А тем временем в городе продолжаются загадочные исчезновения детей. Ходят слухи, что их похищает существо по прозвищу Чёрная Долли.

ISBN 978-5-44-906865-1

© Льеж Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марионетки на ладони

Ли Льеж

Дизайнер обложки И. В. Снигирёва

© Ли Льеж, 2018

© И. В. Снигирёва, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-6865-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Жан и Жанна

Изящный господин в лаковых ботинках и с тросточкой шёл по грязному тротуару, стараясь смотреть одновременно под ноги и вперёд. Зато по сторонам, что было прямо-таки отлично, не пялился. Жан подмигнул Жанне и скорчил свирепую гримаску: наш клиент! Жанна в ответ только сверкнула глазами.

Время для охоты было идеальное: сумерки, но ещё не темнота. По темноте такие солидные джентльмены в одиночку не ходят – боятся. Они ж не понимают, что сумерки в плане видения ничем не лучше темноты: все предметы расплываются, фигуры сливаются, лиц не упомнишь. Всё вокруг серое, как грязная подмётка. Но нет, сумерек эти гуси нещипанные привыкли не опасаться. Ну, сами виноваты.

Когда Жан выскочил из-за угла и перегородил господину дорогу, тот поначалу даже не остановился. Как шагал вперёд, так и продолжал шагать, только недовольно махнул рукой: отойди, мол, мальчишка. Но Жан поступил ровно наоборот: шагнул навстречу прохожему, так что они чуть не столкнулись. И только тут господин, опешив, споткнулся и подался назад. Не давая ему опомниться, Жан выставил перед собой потрёпанную пачку газет и заголосил:

– Ужасное преступление! Ужасное преступление! Ещё один ребёнок похищен!

Господин разинул рот. Лицо у него было ещё не испуганное, но уже рассерженное. Он попытался отогнать Жана тростью, но не преуспел: мальчишка глядел в оба и увернулся от удара.

– Похищена маленькая Мэри Дженкинс! Купите газету, сэр! Только самые свежие новости!

– Отойди! – грубо прикрикнул прохожий, снова поднимая трость. И снова не попадая по цели.

– Вы и ваши дети в опасности! Неведомый похититель нападает на самых беззащитных! Только самые свежие новости от двадцать третьего марта...

– Да отойди ты!

Из чёрной, жуткой подворотни, в которую столь приличные господа никогда не спешили заглядывать, выскользнула Жанна. Бесшумной походкой подкралась к жертве сзади, ухмыльнулась и подмигнула брату.

А господин этого, конечно, не заметил. Он всё ещё пытался отогнать назойливого мальчишку, будто надеясь, что при одном точном ударе тростью это чумазое недоразумение просто испарится с его пути.

– Купите газету, сэр! Всего пятьдесят центов, сэр! Это горячий ужин для меня и для моей маленькой парализованной сестрёнки! – горестно запричитал Жан, делая ещё полшажка вперёд.

Услышав, что она, оказывается, парализованная, Жанна прыснула и быстро зажала рот рукой. Но господин опять ничего не заметил.

– Мне не нужна твоя газета! Послушай, мальчик...

– Моя маленькая, парализованная, слепая, глухонемая сестрёнка так страдает! – взвыл Жан, заглушая дальнейшие слова господина. – Я вынужден был оставить её одну в том сыром подвале, где мы снимаем угол. Я так беспокоюсь, а вдруг и её похитят?

– Да мне-то какое дело! – Господин тоже повысил голос. – У меня нет детей! Меня всё это не волнует! Обирайся с моей дороги немедленно, щенок, а не то...

– Только очень жестокосердного человека может не взволновать эта трагическая история, – продолжал Жан, подступая всё ближе и преданно заглядывая прохожему в глаза. – Позвольте, я расскажу вам, как всё было.

Жан набрал в грудь побольше воздуха и кинул быстрый взгляд на Жанну. Она стояла уже почти вплотную к жертве, её ловкие руки скользнули по клетчатой шерсти пиджака.

– Восемилетняя Мэри Дженкинс садила цветы в садике возле своего дома, – затараторил Жан, ухитряясь сочетать невероятную скорость речи с трагическими интонациями актёра оперетты, – её добродетельная мать вышивала, сидя на крыльце, и приглядывала за дочерью. Ничто не предвещало беды... Увы, несчастье было уже совсем близко!

Рука Жанны тихонько пролезла в карман «клиента». Прохожий было дёрнулся, но Жан свободной от газет рукой тут же схватил его за лацкан.

– Слушайте дальше, мой господин, это ужасная история! Маленькая Мэри прилежно закапывала в землю луковицы тюльпанов, как вдруг её внимание привлекло яркое пятно за оградой. «Мама, там на тротуаре лежит настоящая роза! – воскликнула она. – Наверное, её кто-то обронил. Можно я подниму этот прекрасный цветок, мама?» Миссис Дженкинс, не чуя беды, кивнула. Тогда малышка отворила калитку и выскользнула на улицу. Её тёмно-синее платье замелькало между прутьями решётки...

– Хватит мне тут заливать, противный мальчишка! – прохожий побагровел от ярости и начал вырываться, а Жан не пускал. Вдвоём (на самом деле втроём) они потешно закружились на одном месте. – Убирайся вон, пока я тебя не поколотил! У меня от тебя уже в глазах двоится!

Кажется, крем глаза он всё-таки заметил Жанну. Но это нестрашно. Жанна – ловкая девочка, на ерунде её не подловишь.

– Спустя минуту или две миссис Дженкинс позвала дочь, но та не откликнулась. Тогда несчастная мать несчастной девочки вышла из садика и оглядела улицу. Там не было ни души! Её возлюбленная крошка пропала! – Жан выдержал короткую, но исполненную глубокого трагизма паузу, и добавил: – От девочки остался только белый шейный платок, который подобрали рядом с местом предполагаемого похищения...

– Я сейчас полицию позову! – предупредил господин в лаковых, теперь уже заляпанных грязью ботинках. Он трясся от злости.

– Увы, полиция ничего не смогла сделать. Как вы, наверняка, слышали, за последние три месяца в Злондоне пропало почти шесть десятков детей! И это только дети из хороших семейств, о которых пишут в газетах. А сколько ещё похищено таких маленьких, беспризорных, бедных деток, о которых некому позаботиться...

– Полиция!!! – заорал «клиент», озираясь.

Пусть дерёт глотку. Последнего полицейского здесь видели в прошлом году. Потом его, говорят, крысы съели.

– Ходят слухи, – зашипел Жан, впиваясь взглядом прямо в расширившиеся зрачки прохожего, – что некоторых пропавших детей видели в обществе некоей прелестной молодой леди, одетой в чёрное. Но полиция отвергла эту версию, как несостоятельную. Молодая леди, прелестная и одетая в траур, просто не может быть чудовищем, похищающим невинных детей. Молодые леди, как вам известно, все до мозга костей напичканы добродетелями...

– Полиция! Кто-нибудь! Меня грабят! – завопил господин, размахивая руками, и начал ещё потешнее топтаться на месте. Он чувствовал, как по его одежде шарят чьи-то руки, но Жанну не видел. А если бы и увидел, решил бы, что это обман зрения.

Нахально улыбнувшись, Жан снова ткнул в него всей пачкой газет.

– Купите хоть одну газетку, сэр! Моей хромой, кривой, убогой сестрёнке нечего кушать! С утра не могу распродаться!

На этой душераздирающей ноте выдержка господина дала сбой. Отпихнув от себя мальчишку, он бросился бежать, высоко задирая непривычные к бегу ноги. Жанна, едва успевшая отдернуть руку с зажатými в ней золотыми часами, расхохоталась во всё горло.

– Ой, не могу! Это я-то хромая! Это я-то кривая!

Жан с удовольствием к ней присоединился. Они стояли и громко хохотали, держась за животы. Их окружали ветхие чёрные здания, похожие на гробы, разбитая мостовая, масляные лужи, тощие силуэты кошек, крадущихся по своим делам, и зловещее запустение. В этой части Злондона редко можно было увидеть прилично одетого человека. Здесь никто не покупал газет. Здесь никого не интересовали новости. Это был их мир – мир Жана и Жанны. Здесь они чувствовали себя в полной безопасности.

– Всего шесть монет, – вздохнула Жанна, подсчитав добычу, – мало. Серебро да медь. Даже на поезд не хватит, на третий класс. А ведь ещё пароход...

– Часы ещё, – подсказал Жан.

– Да-да, но они именные. Такие дорого не продашь...

Жан нахмурился и почесал в затылке. Выручка оказалась намного меньше, чем они ожидали. Между тем сумерки совсем сгустились, ждать новую жертву было уже бесполезно. И так весь день караулили...

– У меня в брюхе урчит, – печально сказала Жанна.

Жан сочувственно посмотрел на сестру. Конечно, Жанна крепкая девчонка, но ведь – девчонка. Сам-то он легко обошёлся бы без еды, но Жанну нельзя морить голодом. В последнее время она так быстро растёт – уже стала выше его! Хорошо, что посторонним это пока незаметно. Но потом всё равно начнутся проблемы.

– Пойдём поедим тогда, – решил он.

– А билеты? – слабо возразила девочка.

– Потом. Успеём ещё. Видела, как он затрясся? – Фыркнул Жан, переводя тему.

– «Полиция, полиция!», – тоненьким голоском передразнила Жанна и тоже засмеялась.

Они взялись за руки и зашагали вперёд по густо покрытому грязью тротуару. На пути им попадались фонарные столбы, но света не было: никто не считал, что обитатели здешних мест нуждаются в освещении. Ребята насвистывали дуэтом, чтобы предупредить своих: не суйтесь, это всего лишь мы. Темнота равнодушно молчала.

Чтобы купить еды, надо было выйти в «большой» город. В «большом» городе горели фонари и по улицам ходили люди. На Жана с Жанной они внимания не обращали, но предпочитали обходить их стороной. Мало ли в Злондоне беспризорных детишек!

А детей вокруг было – видимо-невидимо! Разумеется, воспитанные домашние дети в это время уже спят, выкушав на ночь стакан тёплого молока и послушав сказку от своей бонны. Но уличные ребята всю наслаждаются жизнью, вернее, теми немногими её достоинствами, которые им доступны. отовсюду раздавались гудки автомобилей: силась поближе разглядеть новомодные средства передвижения, мальчишки бросались прямо под колёса. Шоферам то и дело приходилось тормозить и жать на клаксон. Но это не помогало.

– Когда вырасту – куплю себе авто! – заявила Жанна, провожая горящими глазами очередной проехавший мимо безлошадный экипаж.

– А я этот... летающий...

– Воздушный шар?

– Нет, такой... с крыльями...

– Петух? – хрюкнула Жанна.

– Петуха тоже, – легко согласился Жан, – только жареного. И лучше бы прямо сейчас.

Тут у Жана тоже заурчало в животе, да так громко, что Жанна присвистнула.

– Пойдём к китаёзам? – предложила она.

Это была единственная забегаловка в этой части города, откуда их не гнали.

Опознать китайское заведение было легко: по иероглифу на засаленной красной тряпке, которая служила одновременно и вывеской, и дверью. Располагалось «кафе» в подвале, подвал – со стороны двора в одном из самых старых зданий города, два верхних этажа которого уже почти обрушились от ветхости. Здание было кирпичное, а подвал – каменный, построенный двести лет тому назад. Даже если всё здание рухнет, подвал сохранится.

Решительно отогнув мерзкую наощупь тряпку, Жан проскользнул внутрь и втащил за собой сестру. Помещение было длинное и широкое, но низкие потолки и отсутствие окон делали его крайне неудобным. Полукруглые своды поддерживались низкими толстыми колоннами, к каждой из которых привалилась расслабленная человеческая фигура. Нормальных столов в заведении не было, только широкие квадратные столики на почти отсутствующих ножках. Для сидения за этими столиками посетители использовали подушки – настолько старые и грязные, что никто не смог бы определить, какого изначально они были цвета.

Пахло в помещении как всегда: чем-то невыносимо кислым и в то же время тошнотворно сладким. Но ребятам был хорошо знаком этот запах.

– Ван Тун! – вполголоса окликнул Жан. – Ты где-то здесь?

– Добро пожаловать, дети!

Китаец Ван Тун как обычно вынырнул из ниоткуда. Это был человек неопределённого возраста, безбородый, с гладким юным лицом и глубокими морщинами вокруг глаз. Волосы у него были заплетены в косичку, руки приветливо сложены на груди. И он всегда улыбался. Но эта улыбка никому не нравилась.

– Что-нибудь поесть дашь? – Жан пытался смотреть немного выше внимательных глаз китайца. – Деньги есть.

– Пятьдесят центов с каждого, – продолжая улыбаться, сказал Ван Тун.

– Идёт.

Китаец кивнул и повёл ребят мимо сидящих с отрешёнными лицами посетителей. Часть из них пили какую-то прозрачную жидкость из плоских широких чашечек, часть жевали какую-то подозрительно выглядящую еду, но большинство просто курили.

Как только нашёлся свободный столик, Ван Тун предложил новым гостям присесть. Присаживаться пришлось на липкие плоские подушки с обтрёпанной бахромой по краям. Жан заметил, что Жанна наморщила нос и села на самый краешек. Девчонка!

Ван Тун исчез на минуту и снова появился, держа в руках две миски с чёрной лапшой. От лапши поднимался густой, на удивление ароматный пар. Жан и Жанна синхронно сглотнули слюну.

– Угощайтесь, юные господа, – насмешливо протянул Ван Тун, кланяясь. – Кушайте больше, молодые господа.

Ребята набросились на еду. Лапшу они хватали руками и, обжигаясь, засовывали в голодные рты. Ни вилок, ни ложек здесь не подавали – только палочки. Но палочками едят лишь обезьяны, поэтому посетители считали возможным пользоваться чем придётся.

Ван Тун наблюдал за жующими детьми и уходить не торопился. В его узких блестящих глазах таилась насмешка. Проглотив очередную горсть вкусной, сытной лапши на мясном бульоне, Жан сердито вскинул голову и спросил:

– Чего ещё? Деньги мы отдали.

– Думаю, как я буду скучать по вам, да, как я буду скучать по вам, когда вас похитят, – отозвался китаец и снова поклонился.

Жанна поперхнулась и начала кашлять. Жан сердито нахмурил брови:

– С какой стати? Кто это нас похитит?

– Чёрная Долли, – отозвался Ван Тун.

Жанна прекратила жевать и исподлобья взглянула на китайца.

– Нас не похитят. Мы не беспомощные домашние детки! – сказала она.

– К тому же никакой Чёрной Долли не существует, это всё выдумки, – добавил Жан.

Китаец улыбнулся ещё хитрее:

– Я видел её, молодые господа. У-у-у, никому от неё не скрыться! – и он зацокал языком, как бы выражая обеспокоенность.

– Ну прекрати, – махнул рукой Жан, – тебе, наверное, привиделось. Ты тут целыми днями дышишь... непонятно чем. Странно, что тебе ещё предки не являются.

Улыбка Ван Туна стала ещё загадочнее. Он переводил взгляд с мальчика на девочку и уходил явно не собиравшись.

– Дай спокойно поесть! – не выдержал Жан.

В это же время Жанна спросила:

– Где ты её видел, Ван Тун?

– Никого он не видел, – возразил Жан.

– Ну а всё-таки?

Ван Тун молчал, но продолжал цокать языком. Через несколько секунд он всё-таки продолжил говорить:

– Она попросила у меня трубку. И смотрела.

– Куда смотрела? – нетерпеливо спросила Жанна.

– На уголёк, – отозвался Ван Тун. И тихонько захихикал.

– Жанна, ешь, – махнул рукой Жан, – видишь ведь, что он... надышался.

– Мы сами тут скоро надышимся, – пробормотала Жанна и поскорее запихнула в рот ещё немного лапши.

Они быстро прикончили кушанье и выпили жирный бульон. От сытной еды потянуло в сон, но ребята знали, что спать здесь нельзя. Дым, плавающий в затхлом воздухе помещения, рождал такие кошмарные сны, что после них можно было и не проснуться. Сделав последний глоток из миски, Жан решительно встал и поторопил сестру.

– Пойдём скорее на свежий воздух!

Воздух ночной улицы трудно было назвать свежим, но после ужасных подвальных запахов он пьянил, как родниковая вода. В кои-то веки небо не затянули низкие коричневые тучи: оно было ясным. Жанна глубоко вздохнула, подняла к небу круглое лицо и радостно засмеялась:

– Гляди, звёзды! Звёзды!

Жану показалось, что звёзды слегка покачиваются и мигают. «Нанюхался всё-таки!» – с досадой подумал он.

– Пойдём прогуляемся, пусть обдует, – предложил он.

– Пошли! – согласилась Жанна.

Наступил поздний вечер, улицы почти опустели. Жан и Жанна вприпрыжку бежали по мостовой и жадно глотали воздух, чувствуя, как выветривается из лёгких ядовитый дурман китайской харчевни. Редкие прохожие старались уступать им дорогу.

– Жан, пожалуйста, поищем кошку. Хочу погладить кошку! – взвизгнула Жанна.

Жан, согласился, и они свернули во дворы. Дворы были пусты и темны, как глубокие колодцы.

– Киса-киса, кис-кис-кис! – не унималась Жанна. Ей было весело.

Прошло ещё около часа, и веселье сошло на нет. Кошки, едва завидев Жанну, удирали, собаки предостерегающе лаяли. Город засыпал, и ему не было дела до двух детей, не имевших мечта для ночлега.

– Ну что ж так не везёт! – всплеснула руками Жанна и остановилась.

Жан с колотящимся сердцем встал рядом с ней. Он чувствовал, как похолодало. На сытый желудок казалось, что тепло, но теперь приятный жар начал развеиваться. К тому же они вспотели во время бега.

– Заберёмся на какой-нибудь чердак и там ляжем, – предложил он.

– Тсссс! – вдруг перебила его Жанна. – Слышишь?

Жан прислушался. Он знал, что у сестры слух и зрение острее, чем у него.

– Ходит кто-то, – через пару секунд тихо сказал он, – ну и что?

– Не просто ходят. Что-то несут, переставляют. Это там, – Жанна указала пальцем на соседний двор.

– Посмотрим? – и Жан, не дожидаясь ответа, зашагал в указанном направлении. Жанна поспешила за ним.

...Окна старинного трёхэтажного особняка были темны, но ворота распахнуты настежь. Там велась какая-то разгрузка. У дверей стояли сразу три безлошадные повозки очень странного вида, без верха, на каждой из которых громоздились десятки ящиков. Несколько людей, одетых в чёрное, быстро снимали с повозок ящик за ящиком и волокли в дом.

– Переезжают, что ли? – прошептала Жанна. – Ночью?!

– Может, богатеи какие-нибудь. Не хотят, чтобы пилились на их сокровища, – предположил Жан. – А вон тот, – он указал пальцем на высокого светловолосого мужчину, который стоял чуть поодаль и наблюдал за происходящим, – у них за главного.

– Богатеи, значит? – азартно выдохнула Жанна.

Ребята переглянулись в темноте. Дело было нелёгкое, но хорошо знакомое. Прячась за ещё не успевшими зазеленеть деревьями, они подкрались поближе к рабочим. Обоим не понравилось, что разгрузка велась в полной тишине: приходилось двигаться совсем беззвучно.

– Странные они какие-то, – шепнула девочка.

Жан не ответил. Он приглядывал будущую добычу. Если подкрасться к повозкам сзади, можно снять один из ящиков, но вот как его потом унести? Ящик слишком большой для детских рук, придётся тащить его вдвоём с Жанной. А так их могут заметить... Нет, надо найти что-то поменьше.

Когда Жан и Жанна подошли совсем близко к повозкам, обнаружилось, что кроме ящиков на них лежат и какие-то свёртки. Свёртки были разного размера: одни не больше кулака, другие больше целого ящика. Непонятные предметы, замотанные в грубую ткань, лежали неровной кучей и ждали своей очереди на разгрузку. Жан кинул взгляд на «управляющего» и заметил, что у него пшеничные усы и куртка военного покроя.

– Офицер какой-то, – тоже заметила Жанна. – Может, не будем?..

Но всё решил случай. Снимая очередной ящик, рабочий случайно задел один из свёртков. Равновесие нарушилось, свёртки покатались с подводы на землю. Судя по звуку, с каким они упали на каменную брусчатку, в них было что-то довольно тяжёлое, но мягкое.

– Аккуратнее! – прикрикнул военный на носильщиков.

Свёрток среднего размера, откатившись от повозки, замер почти у самых зарослей, где прятались Жан и Жанна. Раздумывать было некогда. Судьба сама предоставила шанс.

Мальчик быстро высунулся из кустов, схватил свёрток, убедился, что вполне сможет его удержать, и в следующее мгновение они с Жанной бросились наутёк.

Их топот наверняка привлёк внимание рабочих, но, отбежав на два или три квартала, ребята не заметили за собой погони. Город спал, окна почти нигде не светились. Они всё-таки забились в тёмный угол и несколько минут напряжённо прислушивались, дыша широко разинутыми ртами, чтобы не было слышно звука дыхания. Но, кажется, за ними действительно никто не погнался.

– А это значит, что здесь, – Жанна сердито показала глазами на свёрток, – какая-нибудь никому не нужная ерунда. Если бы тут находилось что-то ценное...

– Что было, то и взял! – Жан крепче обхватил свёрток и прижал его к себе. – Я не выбирал, знаешь ли!

– Судя по форме, там просто какое-нибудь полено, – не унималась Жанна, – обычное полено. Естественно, невелика потеря...

– Дура! Кто будет так упаковывать поленья? – шёпотом прикрикнул на сестру Жан.

– Сам дурак! – не осталась в долгу Жанна. – Сейчас развернёшь и сам увидишь, что там либо полено, либо... ну, не знаю... рулон ткани. Или коврик! Точно, свёрнутый соломенный коврик! Ну похоже ведь, ну?

Жан недовольно ощупал свёрток. Кажется, Жанна была права: то, что там находилось, подозрительно напоминало по форме не то плотный рулон ткани, не то коврик, какие обычно кладут перед камином.

– Если там какая-нибудь рухлядь – просто выбросим её и всё! – заявил он.

– Разворачивай! – потребовала сестрица.

Несколько секунд Жан возился с верёвками. Непонятная вещь была надёжно упакована. Наконец, подцепив зубами узел, он сорвал с трофея серую ткань, и содержимое свёртка вывалилось на мостовую.

Это была человеческая нога.

Глава 2

Синь

Когда я проснулась, госпожа ещё спала. Так бывало каждое утро. Я знала, что она любит поспать, и не тревожилась по этому поводу. Сегодня мы никуда не опаздывали, так что моя спутница могла спать столько, сколько её душе угодно.

Наше купе первого класса было обито красным бархатом – на мой взгляд, цвет был грубый и безвкусный, очень похожий на помидорную шкурку. В купе второго класса, как я видела мельком, когда проходила мимо, стены были изумрудно зелёные – гораздо красивее! Но это было сукно, а не бархат, и откидные столики в тех купе были металлические, а не деревянные, как у нас. Словом, мы путешествовали со всем возможным комфортом. Вот только меня это мало касалось.

Умывшись прохладной водой из подвешенного над латунным тазом умывальника, я быстро натянула платье и свернула свою постель. За окном, занавешенным лёгким шторами, проносились во мгле какие-то деревья, дома, столбы... Солнце только-только начало подниматься из-за горизонта, так что в купе было темно. Я посмотрела на спящую подругу: будто почуяв мой взгляд, она слегка всхрипнула и перевернулась на другой бок.

Сидеть в купе было бесполезно. Монотонное покачивание вагона скорее раздражало меня, чем усыпляло, так что я решила покинуть наше временное обиталище и прогуляться по коридору. Коридор в вагоне был узкий, зато там всегда горел свет. Вышколенные, безупречно вежливые проводники бесшумно скользили из конца в конец, кланяясь пассажирам.

Но на меня их вежливость не распространялась. Стоило мне высунуться из двери купе, как два постоянно дежурящих в вагоне проводника обратили ко мне улыбающиеся лица. Но увидев, что это всего лишь я, они тут же разочарованно отвернулись.

Удерживая непроницаемое выражение лица, я подошла к сплошному ряду окон и облокотилась на перильца. Город приближался: это было понятно по то и дело проносящимся мимо маленьким деревенькам, чередующимся с пролесками. Скоро поселений станет ещё больше, а потом начнётся пригород: серый, грязный, дымящийся многочисленными трубами пригород, который мне уже довелось увидеть два года назад, когда мы уезжали. Тогда я была в растрёпанных чувствах и не знала, радоваться или грустить. Сейчас на душе у меня было скорее радостно. В конце концов, именно этот город впервые встретил меня и принял, именно в нём я жила до тех пор, пока не встретила госпожу.

Ох, ну она мне, конечно, не госпожа. Мне приходится так её называть, это часть игры. Неужели игра так въелась в привычку, что я даже мысленно называю свою лучшую подругу госпожой? Хм, надо подумать об этом на досуге и сделать какие-нибудь выводы. Потом. Когда-нибудь.

От размышлений меня отвлёк разговор проводников. Говорили они тихо, но явно не потому что таились от меня. Я для них просто не существовала, они воспринимали меня как предмет мебели. Я уже привыкла к такому отношению окружающих и оно перестало меня задевать, но всё-таки мне было неприятно.

– Дрыхнут все, – вполголоса сказал своему напарнику один из проводников, молодой, с тонкими противными усиками, – этот и этот опять вчера до полуночи пили в ресторане. – он показал подбородком на двери двух соседних купе.

– Ага, пришлось разводить по местам, – кивнул тот, что постарше. – Ну а чего ты хочешь – первый класс... По сравнению со вторым они ещё ничего. Из «зелёных» вагонов бывает что и дерутся.

– Много воображают о себе! – хохотнул усатый. – Эх, когда-нибудь и я... у меня, знаешь, мечта проехаться в первом классе, и чтобы все мне прислуживали. Как думаешь, сбудется когда-нибудь?

– Нет, – равнодушно отозвался его напарник.

Усач почему-то довольно расхикиался:

– А жаль! Ты видел, кстати, какая цыпочка едет в этом купе?

Я слегка повернула голову. Так и есть: он указывал на дверь нашего купе. Заметив моё движение, усатый проводник опустил руку и чуть заметно мне поклонился. Я ответила таким же холодным кивком.

– Смотрит так, будто понимает по-нашему, – вполголоса пробормотал он.

Я постаралась сделать свой взгляд совершенно пустым. Жаль, что я не могла взглянуть на себя со стороны и увидеть, получается у меня или нет.

– Не стоит при ней всех обсуждать, – предостерёг молодого более взрослый напарник.

– Почему? Она же просто мартышка.

Ах ты мерзавец! Это я-то мартышка? И это говоришь обо мне ты, похожий на кузнечика с жалкими усятами?..

Я сделала ещё более равнодушное лицо и отвернулась, уставившись в окошко. Мимо как раз проезжало длинное здание станции. Мы проехали его, не останавливаясь.

– Следующая конечная. Пора будить этих, – вздохнул проводник с усами и поправил крахмальный воротничок. – Пока ещё соберутся...

Старший кивнул и вытащил из кармана колокольчик. Звон почти оглушил меня.

– Господа, прибываем! Следующая Злондон! – Во весь голос объявил проводник, аккуратно встряхивая свой колокольчик. – Собирайтесь, господа, собирайтесь!

Я вздохнула и отправилась будить Козетту.

– Не хочу, – пробубнила из-под подушки Козетта, как можно крепче вцепляясь в одеяло.

– Вставай уже!

– Уйди.

Продолжая напоминать ей о необходимости проснуться, я открыла козеттин дорожный саквояж и вынула оттуда тщательно сложенное платье: в консервативную чёрно-белую клетку, но весьма смелого покроя, с каким-то неисчислимым множеством оборок. Сама я изо дня в день надевала одно и то же серое платье, дивно гармонировавшее с серым цветом моего лица и тусклыми волосами. Мне казалось, что в таком виде я напоминаю ёкай – японского призрака. Наверное, именно поэтому люди и сторонятся меня. Но при нашей с Козеттой противозаконной деятельности это было нам только на руку.

Однако надо было всё-таки как-то её растолкать.

– Госпожа моя, вы проспите, и вам придётся выходить на перрон в ночной сорочке! – повысила голос я.

– То-то у всех глаза повылезают! – хихикнула Козетта, но глаза не открыла.

– Умыться не успеешь. Будешь вся помятая, как жёванная салфетка.

– Успею, – ничуть не смутилась она.

Спустя примерно полчаса моих уговоров, Козетта соизволила вылезти из-под одеяла и открыть глаза. Я знала, что самое сложное позади: придя в себя, Козетта собиралась молниеносно. Я ещё не разгладила как следует наши плащи, а она уже полностью преобразилась: умыла лицо, почистила зубы, расчесала и заколола волосы, влезла в платье и туфельки. Спящая красавица превратилась в блистательную принцессу. Когда я свернула её постель, Козетта села на полку, достала из ридикюля пудреницу с зеркалом и несколько раз прошлась пуховкой по своему и без того безупречно свежему личику.

– Я похожа на гусеницу! – объявила она.

– Нет, – возразила я.

– Ну хорошо, значит, не похожа, – легко согласилась Козетта. – Когда там уже Злондон? Мне до смерти надоел этот противный старый поезд!

– А до этого тебе успел надоест этот противный старый пароход.

– Ага. А до этого мне надоел противный старый Париж и местные бандиты!

– Потихонечко, хорошо? – попросила её я, но Козетта только отмахнулась.

Все наши многочисленные вещи ехали в багажном вагоне. Половину этих чемоданов и сундуков нам предстояло выбросить сразу по прибытии в город, но отправиться в путь без них мы не могли: дама, путешествующая налегке, вызывает всеобщее подозрение. В купе хранились только два саквояжа – мой и козеттин. Именно в них мы и держали все те вещи, которые были нам действительно нужны. Уложить саквояжи не составило никакого труда, и вскоре мы с Козеттой сели, раздвинули шторы и обе уставились в окно, поджидая, когда же покажется пригород.

В купе вежливо постучали: проводник принёс чай.

– Доброе утро, я принёс завтрак для леди Клариссы Кольт и её горничной. Позвольте войти?

Козетта не глядя махнула рукой. Проводник – тот самый, который назвал меня мартышкой, – с преувеличенной почтительностью поставил на деревянный столик две фарфоровые чашечки с чаем. Через минуту он вернулся со сливочником и бисквитами. Мы начали завтракать, причём Козетта болтала под столом ногами и с набитым ртом продолжала делиться со мной впечатлениями от всего, что она видела за окном.

– Смотри, какая огромная фабрика, какая уродливая, ха-ха! И целых семь... нет, восемь труб! Интересно, что они там производят? Как по-твоему?

– Откуда же мне знать?

– А я думаю, что там плетут шляпки. Такие золотистые шляпки с широкими полями. И украшают тульи цветами. Лентами и жасмином. Это такие маленькие и миленькие шляпки, по тысяче шляпок в день...

– Ага, – притворно согласилась я, – именно шляпки там и делают. Шляпки и корзинки.

Никогда не могла понять, почему Козетте так нравится притворяться дурочкой. Ладно бы перед мужчинами, которые буквально млели от её болтовни, но передо мной-то? Практикуется она на мне, что ли?..

– А у меня вот нет шляпки! – капризно протянула моя подруга, – Я несчастное бесшляпочное создание!

– Есть, – устало возразила я.

– Новой нет!

Продолжая взхлёб нести всякую ерунду, Козетта расправилась с тремя бисквитами и запила их густо сдобренным сливками чаем.

– Даже не знаю, как я покажусь перед злондонским бомондом! – прощепетала она, запуская руку в свой саквояж. – Все мои обновки такие... устаревшие!

Козетта накупила полдюжины платьев неделю назад в Париже, и мне было об этом прекрасно известно.

– Мы пойдём гулять, и все засмеют меня, скажут: фу, какая неизысканная, неэлегантная леди! – с этими словами Козетта вытащила пистолет и прицелилась к чему-то в окне.

– Ты с ума сошла?! Убери сейчас же! – зашипела я, подсказывая на сиденье.

Козетта засмеялась. Но молниеносно сунула в саквояж руку с пистолетом, когда в купе снова заглянул проводник.

– Я могу убрать посуду, госпожа?

– Да, пожалуйста! – обворожительно улыбнулась ему Козетта.

Когда за проводником закрылась дверь, я тихо спросила:

– В кого ты целилась?

– В самую высокую трубу, – оживлённо ответила сидящая рядом со мной золотоволосая красавица, – она бы, наверное, взорвалась. Ба-бах! Вот было бы весело! Но мы уже проехали...

Козетта ухитрилась существовать на свете под несколькими разными именами. Её настоящее имя было Долли Миллер – но ни одного документа, подтверждающего это, не сохранилось. В полицейской картотеке она значилась как Козетта. Во время нашего пребывания во Франции её звали Катрин Девидур. Ступив на английский берег, она превратилась в Клариссу Кольт.

Ну а я стала китайкой по имени Синь. Это была идея Козетты, а я, в общем, не возражала: Синь так Синь. Козетта раздобыла для меня удостоверение личности на это имя, а никаких других документов у меня всё равно никогда не было. Можно сказать, что японка Сора ушла в историю. Осталась только я. И Хина.

Саквояж Козетты был битком набит платьями, а в моём лежали две перемены белья и закутанная в них Хина. Я надеялась, что ей не слишком тоскливо путешествовать подобным образом. Постоянно носить Хину на руках становилось опасно: она привлекала к себе слишком много внимания. К тому же теперь я перестала быть подростком, я стала взрослой, а взрослая девушка с куклой выглядит... раньше меня совершенно не волновало, как это будет выглядеть. Но теперь я была не одна, и мне приходилось блюсти интересы Козетты.

Когда поезд остановился у большого Злондонского вокзала, мы с Козеттой сразу поспешили к выходу из вагона, чтобы не пережидать, пока выберутся другие пассажиры. Усатый проводник почтительно протянул руку выходящей Козетте, на которую та грациозно оперлась, а меня, естественно, проигнорировал. Мы ступили на перрон и довольно заозирались.

– Наконец-то земля под ногами не качается из стороны в сторону и не трясётся, – проговорила Козетта, выразив и моё мнение тоже. – Ну что, пошли?

Я кивнула. Говорить в присутствии посторонних мне не полагалось: я же должна была изображать безъязыкую китайскую служанку.

– Вечером я пришлю записку с адресом, куда доставить багаж! – сообщила проводнику Козетта и даже протянула ему руку на прощанье.

Обалдев от такого счастья, усатый проводник пожал протянутую ему кисть, не решаясь прикоснуться к ней губами. Я снова сделала равнодушное выражение лица.

А Козетта уже спешила к выходу, скользя вдоль выпускающего пары поезда чёрно-белым шелестящим облаком. Я поспешила за ней.

– Итак, – проговорила Козетта, когда мы с ней поравнялись, – письмо должно ждать нас в кабинете начальника вокзала.

– Леди Кольт! Вы позволите называть вас просто Кларисса?.. – начальник вокзала то расстёгивал, то застёгивал блестящие пуговицы на своём жилете, очевидно волнуясь. – Это такая честь для нас... И для меня лично...

Тут он сообразил, что его поведение выглядит навязчивым, и ещё сильнее растерялся.

– Письмо, – с улыбкой напомнила ему Козетта.

– Да-да, письмо... Вас действительно ждёт письмо... Вернее, записка... Она была без конверта и не запечатана...

– Вы её прочитали? – очень добрым голосом спросила Козетта.

Начальник вокзала покраснел, потом побледнел и хрустнул пальцами.

– Нет, но... Точнее, я краем глаза... Леди, там нет совершенно никакой важной информации! Только бронь отеля для вас и вашей... гм... вашей...

– Дайте сюда.

Я стояла за спиной у Козетты и буровила глазами совершенно растерянного служителя. Я не понимала, из-за чего он так разволновался.

Начальник принялся бурно рыться в своём письменном столе. Козетта продолжала улыбаться так ясно и безмятежно, будто готовилась взять на руки пушистого котёнка.

– Вот эта записка, – наконец отыскал нужную бумагу служитель, – для леди К. Кольт, всё верно... Здесь говорится, что для вас забронирован номер в отеле «Верёвочка»...

– Зачем же вы прочитали чужое письмо? – ласковый голос Козетты таял, как масло на корочке пирога.

– Только ради вашей безопасности! – вытаращил глаза наш собеседник. – Я не хотел, чтобы в руки молодой леди попало какое-нибудь неприличное... У нас принято вскрывать письма без обратного адреса, потому что они, знаете ли, могут быть... Леди Кольт, вам нельзя ехать в этот отель!

– Почему это? – моргнула Козетта.

– Он совсем, совсем не для леди! Поверьте мне, я знаю много прекрасных, достойных гостиниц, в любой из которых вас примут со всем подобающим вам уважением, но эта дыра... Я хочу сказать, что это совсем не подходящее место для девицы вашего положения.

– А я что, спрашивала вашего совета?

– Но я считаю себя обязанным предупредить...

– Спасибо, – Козетта улыбнулась ещё шире и выхватила из руки служителя вдвое сложенный листок бумаги. – Я очень благодарна вам за заботу. Пойдём, Синь.

Я молча изобразила что-то вроде реверанса и двинулась вслед за Козеттой.

– Весело всё начинается, да? – шепнула она.

– Ну не знаю, – я пожала плечами, – опять какие-то записки с указаниями. Мне это напоминает...

– Два года прошло! – возразила Козетта, сразу догадавшись, о чём я говорю.

– Всего лишь два года, – слегка поправила её я.

Но Козетте всё было нипочём. Она ничего не боялась. Увы, но в скором будущем нам предстояло убедиться, что предчувствие меня не обмануло.

Глава 3

Ли

С самого начала я знал, что это плохо закончится. А чего влез тогда? Ну как. Надеялся всё-таки. Я, я наследник! Я родился наследником, я всю жизнь им пробыл. И тут...

Так, давайте ещё раз и сначала. Если совсем коротко, мой родной отец собрался лишиться меня наследства. Вот такие новости.

Всё началось ещё два с половиной года назад, когда я сбил ту старуху. Нет, вы не думайте, что я какой-нибудь моральный урод, которому старую бабку сбить – что комара по стенке размазать. Это случайно вышло. Ненамеренно. Даже полицейский так сказал: несчастный, мол, случай, темно было, а старуха никак не просигналила, что плетётся через дорогу. Всё могло обойтись. Но нет, пронюхали журналисты. Устроили отцу травлю, а тот в свою очередь устроил мне бойкот.

Я тогда ещё думал, что обойдётся. Отец – он вспыльчивый, но отходчивый, долго злиться не умеет. Ага, если бы. Понимаешь, говорит, сынок, это бизнес. Если б ты как-нибудь по-другому эту старуху угрохал, я б тебя простил. Но ты, мелкий паршивец, ухитрился сделать это на моём автомобиле! На лучшей самоновейшей модели, которая должна была через неделю поступить в продажу! А ты своим поступком нашу фирму так разрекламировал, что мне придётся эту модель полностью снимать с конвейера. Ты знаешь, какой это мне убыток?

Я извинялся, как только мог. Говорил, что если б знал заранее, то непременно объехал бы эту старушечку. Я бы даже вообще не поехал. Никуда. Даже на старой модели. Но я ж не знал, это всё так быстро получилось! Ну что мне теперь, всю жизнь быть изгоем? А кому же наследовать империю?

Я думал, у отца близких родственников нет – ну, кроме меня. Оказалось, что у него имеется двоюродный брат. Некто Генри, Генри Морган. Седьмая вода на киселе, но всё-таки родня. Вот уж от кого я не ожидал никакой пакости – ну он же старый уже, ну, какой из него наследник! Но оказалось, что всё не так просто.

Этот Генри – он оказался хитрым мерзавцем. Втёрся отцу в доверие, сочувствовал ему, когда журналисты к нам в дверь стучались, помогал речи составлять для партнёров по бизнесу. Вроде как он, достойный отец, за своего непутёвого сына не отвечает (это за меня, то есть). Ну что поделаешь, если уродился такой непослушный ребёнок. Ненадёжный. Со склонностью к членовредительству. Вырос большой, а ума не набрал. Отцовское горе!

А потом отец мне дом подарил на день рожденья. Я обрадовался: думал, он меня простил. Это уже потом мне в голову пришло, что он пытается меня отослать подальше. Я не сразу додумался, что это ссылка такая для меня. Со всеми удобствами, но ссылка.

А затем такое завертелось, что не знаю, как и рассказать... Бред бредовый, вот что там было. Я тогда столько страху натерпелся, что случай со сбитой старушечкой показался мне так, разминочкой. Перед настоящими испытаниями.

Нет, я, конечно, уцелел. Даже больше: я тогда всех спас! Я герой как бы. Ну и что? Толку-то что? Все меня поблагодарили и разбежались. Я еле-еле добрался до дома. А там отец снова со своей песней: ах, мерзавец, да как ты сбежал, да что ты сделал с машиной, да где Бодлер...

А Бодлер меня убить хотел, между прочим! Только теперь пойдёшь докажи это. Никто мне не поверил, никто. Отец сказал, что я совсем заврался. И запретил мне садиться за руль до конца своей жизни. Вот помру, сказал, тогда и рули, если будет чем. А пока даже не смей. Один позор от тебя, сказал.

И это было так обидно и несправедливо, что... что ничего. Ничего я не сделал. А что бы вы предприняли на моём месте? Не забывайте, что я хоть и Морган, но – Морган-младший. Самый младший. А для моего отца мнение дяди значит куда больше, чем моё.

Мне, между прочим, уже 18 лет недавно исполнилось. Да, был приём, фейерверк, но я сейчас не об этом. Осталось подождать три года, и я совершеннолетний. Это свобода. Осталось только дожить. Я решил, что буду вести себя тихо-тихо, идеально-идеально, не ссориться с дядей, не спорить с отцом, а только всем и каждому доказывать, какой я замечательный наследник.

Я стал красиво одеваться. К автомобилям и не подходил. Отец сказал, что сплавит меня в колледж, а я лишь промолчал с почтительной физиономией. Я просто из кожи вон лез, чтобы заслужить отцовское прощение. И заслужил бы непременно! Но дядя Генри, хитрый паук, спутал мне все карты.

В общем, однажды дядя Генри вызвал меня на разговор. Попросил прийти. Вежливо так, через прислугу. А я терпеть не мог с ним разговаривать, я хотел сказать, что занят, но потом передумал. Чёрт с ним, думаю, пусть прочитает свою мораль и успокоится. Чай, уши у меня от этого не отвалятся.

Дядя Генри теперь квартировал у нас на втором этаже. Вообще-то у него был свой дом на другом конце Злондона, но он как-то незаметно оттуда съехал и как-то тишком поселился у нас. Моя спальня была на третьем этаже, прямо под крышей, и это была одна-единственная комната, хоть и большая. А брат отца ухитрился оттяпать себе целое крыло. Он был неженат, так что я даже не представляю, что он делал один в своих многочисленных комнатах. Слонялся из конца в конец, что ли.

Короче говоря, дядя Генри передал мне записку с просьбой прийти, поэтому я расчесал волосы на прямой пробор, застегнул рубашку на все пуговицы и на всякий случай ещё помыл уши. Ушам-то ведь и предстоит страдать в ближайшие четверть часа, ха-ха.

Дядя Генри сидел в кресле у камина и пил виски. Я всё-таки не понимаю отца: меня он разорвать готов за одну ошибку молодости, а родному брату прощает всё, в том числе и пьянство посреди бела дня. Ну какой нормальный человек будет предаваться порокам сразу после ланча? А вот он, посмотрите на него.

Внешне дядя Генри был совсем не похож на отца. Отец низенький, плотный, с густыми каштановыми волосами. Его младший брат был высокий, худой, местами лысеющий и местами рыжий. Ещё он носил очки и всегда одевался как денди, хотя не имел титула и юность вообще провёл в Индии вместе с дикарями. Из Индии дядя привёз огромный слоновий бивень, шкуру тигра, якобы убитого им собственноручно, и сотни две других рассказов о героических подвигах и сражениях с туземцами. По-моему, сплошное враньё. Я один раз попытался намекнуть на это отцу, а он лишь сказал, что сию постыдную склонность дядя передал мне по наследству. То есть даже тут я оказался виноват!

Ну, я вежливо поздоровался с дядюшкой, а он в ответ кивнул и предложил мне пуфик. Сам-то он сидел всегда в кресле, но уверял, что в индийских домах гости сидят на таких вот мягоньких пуфиках, для удобства. Ну, не знаю, какое тут удобство. Честно говоря, на этом пуфике я чувствовал себя как ребёнок на горшке.

Ничего, придётся потерпеть.

– Что вы хотели, дядюшка? – спросил я, пытаюсь придать лицу выражение родственного участия.

Дядя Генри покачал на ладони низкий стакан с напитком. Кубики льда зазвенели в янтарной жидкости, как колокольчики.

– Как ты себя чувствуешь? – вопросом на вопрос ответил он.

Здрасьте, с чего это его заинтересовало моё самочувствие? Я вроде пока не помираю. И вообще здоров и полон сил.

– Хорошо, дядюшка, – сказал я. – А как вы поживаете? Как ваши боевые шрамы? Всё ещё напоминают о себе?

– Благодарю за беспокойство, племянничек, – улыбнулся дядя, – да, изредка напоминают.

Со стороны посмотреть – семейная идиллия. Родственники так трогательно заботятся друг о друге!

– Выпьешь со мной? – предложил дядя, заметив, что я кошусь на его стакан.

Ага, вот на чём он хочет меня подловить!

– Нет, что вы, дядя. Я ещё слишком молод, чтобы употреблять спиртное.

Дядя Генри улыбнулся краем рта и поставил свой виски на инкрустированный разными породами дерева столик.

– У меня к тебе есть важный разговор.

– Слушаю вас, дядюшка.

Глаза у папиного брата были холодные-прехолодные и очень злые. Внутренне я напрягся, поняв: нет, он меня пригласил не мораль читать. Тут что-то другое.

– Не кажется ли тебе, дорогой племянник, что ты зажился в отцовском доме?

Я разинул рот и не придумал ничего лучше, кроме как ответить:

– Это мой дом.

– Нет, – ласково сказал дядя Генри. – Это дом твоего отца.

– Ну и что? Я здесь родился.

– Это уже в прошлом. Не пора бы тебе отсюда съехать?

Я потряс головой, будто пытался вытрясти из ушей все эти очень странные слова.

– Куда же я съеду?

– В свой дом, конечно, который тебе подарили на шестнадцатый день рождения! – дядюшка любезно улыбнулся.

– Это который в графстве... не помню, в каком именно графстве... на другом конце страны который? – уточнил я.

– Именно. Красивый уютный дом, отлично подходящий для молодого джентльмена. Кругом поля, холмы и леса с кроликами и гадюками. Что скажешь?

– Да не хочу я туда!

– А надо захотеть, – сообщил дядя Генри и сделал большой глоток виски.

Я несколько раз моргнул.

– С чего бы это, дядюшка?

– С того, что тесно нам с тобой тут вдвоём, племянничек. – Вдохнул дядя Генри. – Очень тесно.

Я поёрзал на своём пуфике, пытаюсь придумать достойный ответ. Угроза в дядиных словах мне явно не послышалась. Но всё-таки столь откровенного нападения и не ожидал.

– Чем это я вам мешаю?

– Это я мешаю тебе, давно мешаю. Что, разве не так? – дядя прищурил глаза, отчего они стали ещё холоднее. – Уезжал бы ты, что ли, по-хорошему.

– По-хорошему? – возмутился я. – Я уже пытался по-хорошему. Тогда меня чуть не убили!

– Да-да, ты рассказывал, – кивнул дядя, – якобы слуга Бодлер завёз тебя в какой-то звериный угол, где наставил на тебя пистолет. А потом его самого застрелили.

– Всё так и было!

– А потом ты вернулся оттуда один с разбитым автомобилем, от которого на подъезде к Злондону отпали два колеса.

– Просто я слишком долго гнал его по плохой дороге!

Дядя хмуро посмотрел на меня и принялся жевать собственные губы. Был у него такая мерзкая привычка. Хоть бы в зеркало на себя посмотрел, что ли!

– А я вот думаю, что ты просто передумал ехать и сбежал от Бодлера. И выдумал всю эту нелепую историю с заказным убийством, чтобы на меня пало подозрение. К счастью, мой брат не настолько глуп, чтобы поверить в это...

До этого момента я ещё старался сдерживаться, но тут меня просто накрыло!

– Да как вам не стыдно! – возмутился я, вскакивая с пуфика. – Ведь это вы и натравили на меня этого вашего Бодлера! Он был наёмным убийцей! И вам это так же хорошо известно, как и мне!

– Глупости, – сквозь зубы бросил дядя Генри, – детские фантазии.

– Ах, фантазии?! Может, и кукольный театр я выдумал? И маньяка-Создателя? И того генерала – тьфу, не помню, как его звали – который хотел всех нас превратить в марионеток и развязать войну? По-вашему, у меня такое бурное воображение?!

– А почему бы и нет? – пожал плечами дядюшка и снова сощурился.

– Да у меня бы ума не хватило выдумать такое!

– То есть ты утверждаешь, – вкрадчиво проговорил мой заклятый родственник, – что всё это было на самом деле? Ожившие куклы, слуга-убийца, какие-то японки и хорьки...

– Какие ещё хорьки? Японка там была одна, а хорьков не было. Да, конечно, это чистая правда!

– Ты готов в этом поклясться?

– Зачем это? Но вообще-то готов, да!

– Доктор Штайлер! – вдруг звонко крикнул дядюшка. – Вы всё слышали?

Я замер с разинутым ртом. А дверь дядиного кабинета, примыкающего к гостиной, отворилась, и оттуда вышел ещё один тощий господин в очках и с чемоданчиком. В свободной от поклажи руке он держал густо испещрённый записями блокнот.

– Слышал, мистер Морган, – кивнул господин с чемоданчиком. – Похоже, вы были правы. Это довольно ясная клиническая картина шизофрении.

– Скизо-чего? – переспросил я, окончательно растерявшись. Это ещё что за тип?

– Шизофрении. Сиречь умственного расстройства с галлюцинациями и бредовыми идеями, – добродушно улыбнувшись, сообщил мне гость.

– Я не сумасшедший! – мне пришлось попятиться, так как доктор (доктор?) сделал шаг навстречу.

– Да вы не беспокойтесь, юный мистер Морган, – очкастый помахал своим блокнотом, – ваш дядя очень за вас переживает, вот и рассказал мне о ваших... гм... видениях.

– Вы чего? – так и взвился я. – Он же мне только что угрожал! Сказал, что я ему мешаю!

– Нет, ваш дядя сказал, что это он, по его мнению, мешает вам. Наверное, поэтому у вас и развилась мания преследования. Но точные причины мы ещё установим...

– Думаю, вам лучше уехать прямо сейчас, – перебил его дядя Генри. – Я распоряжусь, чтобы вещи молодого джентльмена доставили в лечебницу сегодня же вечером.

– В лечебницу?!

Вот тут до меня и дошло. Поняв, что тихо прикончить меня не удалось, дядя Генри решил сдать меня в сумасшедший дом. А что, ловко придумано! Если б у меня хватило ума держать язык за зубами и не делиться с отцом и дядей подробностями моих приключений двухгодичной давности... Но кто же мог предположить, что всё так обернётся?

Я. Я мог и должен был это предположить. Знал же, что если дядя замыслил меня убить, то он ни перед чем не остановится. Но вариант с лечебницей для душевнобольных как-то не приходил мне в голову...

Но зачем он выжидал два года?

А очень просто, тут же ответил я сам себе. С восемнадцати лет пациентов помещают не в детскую, а во взрослую лечебницу. Где лечат их самыми прогрессивными методами. Многие пациенты так потом и не могут опомниться от последствий этого медицинского прогресса.

Пока я вращал мозгами, джентльмены зря времени не теряли. Я с ужасом понял, что они вдвоём готовятся меня скрутить. Во всяком случае, доктор поставил свой чемоданчик рядом с дяди-генриным стаканом и туда же положил блокнот, а потом принялся разминать запястья, не сводя с меня глаз. Ну а дядюшка просто поднялся из кресла.

– Ли, – сказал он, впервые обратившись ко мне по имени, – так тебе будет лучше. Ты поедешь в уютный загородный дом, где много таких как ты. А вокруг – холмы, поля и леса. Всё так, как я тебе обещал...

– Не поеду, – пробормотал я, отшатываясь.

– Мистер Морган, нам лучше увести мистера Моргана до возвращения мистера Моргана, – обозначил свои намерения доктор. – Мистер Морган может возражать водворению мистера Моргана в лечебницу, мистер Морган.

– Естественно, отец будет возражать! – закричал я. – Вы бы сами себя послушали, а ещё доктор! Отстаньте от меня! А-а-а-а!

Последнее восклицание было, наверное, лишним, но я просто не удержался. Представив, как эти двое скрутят мне руки и начнут запихивать в медицинскую карету, я понял, что выхода у меня нет. Надо бежать.

И я бросился вон из дядиной гостиной. И из дома. И из своей жизни.

Глава 4

Жан и Жанна

– Мамочки, – шёпотом сказала Жанна.

Жан вздрогнул. Он уже целую вечность не слышал, чтобы Жанна вспоминала маму. Пусть и в междометии.

Вывалившаяся из свёртка на мостовую нога была согнута в колене, но теперь потихоньку разгибалась. Она была маленькая, скорее всего, детская.

– Значит, – сглотнув комок в горле, прошептал Жан, – произошло преступление... Ужасное преступление... Убийство...

– Ребёнку отрезали ногу! – глаза Жанны наполнились ужасом и она тут же закрыла обеими ладонями рот, чтобы не завизжать.

– Но зачем это кому-то понадобилось? – Жан неловко улыбнулся, чтобы успокоить сестру, но вышло плохо.

– Откуда я знаю? Зачем кто-то похищает детей? Бывают разные сумасшедшие...

Жан попытался справиться с отчаянно колотящимся сердцем. Спокойно, сказал он себе, спокойно. Не позорься перед девчонкой. Ты же мужчина!

– Надо сдать ЭТО в полицию, – ломающимся голосом сказал он.

Жанна покачала головой.

– Я к этому не прикоснусь.

– Замотаем обратно в ткань. Замотаем и будет не так... противно, – Жан неловко мял в руках серый холст.

Ему хотелось бежать куда подальше, но он знал, что нельзя оставлять ЭТО валяться на дороге. Просто нельзя, вот и всё.

Набрав побольше воздуха в грудь, он нагнулся. Ну нога и нога, подумаешь, ничего страшного. Главное – не смотреть на место отреза. Не смотреть, не смотреть, не смотреть...

– Жанна! – с облегчением выкрикнул Жан. – Она ненастоящая!

Сестра вздрогнула и широко распахнула карие глаза.

– Смотри! – Жан осторожно повернул жуткий трофей, прикасаясь к нему через ткань. – Это игрушечная... ха-ха... игрушечная нога!

Жанна опасливо вытянула шею. Нога выглядел точно как настоящая, но в том месте, где она должна была соединяться с туловищем, не было ничего ужасного: ни крови, ни обломков кости. Нога была туго набита обыкновенной соломой до самого верха, а из центра композиции торчал какой-то металлический штырёк, похожий на головку вязальной спицы.

– Испугались, как маленькие! – расхохотался Жан.

Жанна тоже засмеялась, но неуверенно. Несмотря на вновь открывшееся обстоятельство, находка была всё-таки слишком жуткой.

Оказывается, самая-то жуть была ещё впереди.

Нога, которая уже совсем разогнулась (ребята решили, что по инерции), пошевелила пальцами.

– Мамочки! – второй раз Жанна выдохнула это слово с криком.

– Спокойно! – Жан хватил её за руку, чувствуя, что сердце готовится выпрыгнуть из груди. – Она просто механическая! Механическая нога!

– Мне плевать, что это! Давай убежим отсюда!

– Нет, подожди!

Но Жанна, тоненько завизжав, вырвала у брата руку и припустила вдоль тёмных домов. Жан помедлил мгновение и бросился за ней.

Они бежали с такой скоростью, что быстро выдохлись. Добежав до скверика, где днём гуляли бонны с детьми, а ночью иногда ночевали бездомные, Жанна остановилась и закашлялась, хватаясь за живот. Жан неловко положил руку ей на плечо.

– Ну вот чего ты... Как девчонка...

Жанна и была девчонкой, но ей не нравилось, когда ей об этом напоминали.

– А сам-то! – всхлипнула сестра. – И зачем ты только схватил этот дурацкий свёрток!

– Можно подумать, я знал, что там, – беззлобно огрызнулся Жан.

– В любом случае, это вещь для нас бесполезна, – Жанна шмыгнула носом, – ну куда бы мы её дели? Пусть валяется, где упала.

Жан заколебался.

– Я думаю, надо за ней вернуться, – пробормотал он.

– Зачем? – Возмутилась Жанна. – На что тебе эта... конечность?

А Жан и сам не мог объяснить, зачем она ему. Просто он понимал, что эта несчастная, беззащитная и явно детская нога не должна валяться в грязи.

– Я, пожалуй, вернусь, – уклончиво ответил он. – Подожди меня здесь!

– С чего это? – Жанна зашипела как кошка и нахмурила густые брови. – Наоборот, нам надо уйти подальше отсюда! Не хватало ещё, чтобы мы... – тут она резко оборвала фразу на середине и прислушалась.

Сначала Жан ничего не услышал. Потом услышал что-то, похожее на удары каучукового мяча по лужам:

ТОК-ТОК-ТОК

– Что это? – напряжённо спросила Жанна.

ТОК-ТОК-ТОК-ТОК-ТОК – всё ближе и ближе.

В нескольких шагах от перепуганных ребят токанье прекратилось. Теперь они ничего не слышали, зато видели. И понимали, что могло издавать те странные звуки.

Это была нога. Механическая нога. Это она прыгала по мостовой вслед за детьми. И найдя их, остановилась.

– Мамочки, – в третий раз сказала Жанна. На этот раз совершенно убитым голосом.

Жан со свистом втянул ноздрями воздух и промолчал.

Наступило утро и город ожил. Вновь задымились печи, по улицам поехали первые конки, из распахнувшей двери булочной невыносимо сладко потянуло свежее испечёнными изюмными булочками. Жан втянул носом воздух и с сомнением посмотрел на Жанну. Потом вздохнул и полез в карман за монетами.

– Не надо, – Жанна придержала его за локоть, – я обойдусь. Если мы будем тратить все деньги на еду, мы никогда не накопим на билеты.

– А если мы не будем тратить деньги на еду, то что произойдёт? – хмуро отозвался Жан. Он всё ещё медлил, разглядывая лежащие на ладони медные кружочки. Так легко обменять их на хлеб... но что дальше?

– Надеюсь, хоть её не нужно кормить, – тихонько фыркнула Жанна.

Будто поняв, что говорят о ней, механическая нога радостно запрыгала по скамейке. Жан и Жанна переночевали на скамейке в парке, крепко обнявшись и закутавшись в серую холстину. Нога пристроилась рядом.

– Не понятно, почему у неё до сих пор не кончился завод, – Жан покосился на прыгающую ногу, – она ведь должна как-то заводиться... с помощью какого-то ключа...

– А тебе не всё равно? – махнула рукой Жанна.

Поняв, что нога, по всей видимости, не собирается причинить им с братом вред, девочка быстро успокоилась и примирилась с присутствием этой более чем странной спутницы. Жан не умел менять настроение и мысли так быстро, как это делала Жанна, но страх и его отпу-

стил. В конце концов, утром всё выглядело по-другому, совсем не так страшно. Ну нога, ну механическая... Подумаешь!

– А у меня идея, – сказала Жанна заговорщицким тоном, наклоняясь к брату. – Давай мы её продадим!

– Ногу? – поразился Жан. – Да кому она нужна?

– Кому-нибудь, может быть, и нужна. Это ведь диковинка – механическая нога. Ни у кого такой нет.

– Да, но зачем она может пригодиться?

– Ну-у... с ней можно в футбол играть, – предположила Жанна.

Жан с сомнением покачал головой. Идея сестры ему совершенно не понравилась. Но есть хотелось просто ужасно.

Не дожидаясь согласия брата, Жанна соскочила со скамейки и решительно направилась к выходу из сквера. Жан неохотно пошёл за ней, а нога заскакала следом. В этот ранний час, когда прохожих на улице было ещё немного, никто не обратил внимания на такую процессию.

Набравшись храбрости, Жанна взбежала по ступенькам булочной и решительно шагнула в дверь. Жан тоже зашёл. Голова моментально закружилась: здесь пахло таааааак, что не хотелось выдыхать. Толстый булочник в белом фартуке при появлении первых посетителей шагнул к прилавку и широко улыбнулся, но его улыбка тут же сменилась разочарованной гримасой.

– Милостыню не подаю! – заявил он ребятам вместо приветствия.

– А мы и не просим! – обиделась Жанна.

Что и говорить, приём получился не слишком тёплый.

– Идите, идите, нечего тут! – замахал пухлыми руками на детей булочник. – Пышки только из печи, десять центов штука. Весь вчерашний хлеб распродан, так что со скидкой отдавать нечего. Ишь, взяли моду кланчить с утра пораньше!

– Да мы не кланчим! – Жану пришлось повысить голос, чтобы его перекричать. – Мы хотим кое-что продать!

– Продать? Мне? – оторопел булочник.

– Точнее, поменять на хлеб, – затараторила Жанна. – Всего за... пятьдесят булочек с изюмом мы отдадим вам вот эту замечательную механическую ногу!

Жанна жестом фокусника указала на ногу, надеясь, что та проявит себя. И нога не подкачала: тут же начала высоко подпрыгивать, всячески выражая готовность обменять себя на булочки. Жанна радостно улыбнулась и с надеждой посмотрела на владельца булочной.

Но тот лишь скривился от омерзения:

– Это что, детский протез?

Протез? Такая мысль Жану в голову не приходила. А ведь действительно, очень похоже на протез, которые продаются в лавке костоправа!

– Ну да, – тут же сказал он. – Очень полезная вещь. Если однажды вам отрубят ногу, у вас будет запасная.

– Что за чушь ты несёшь? – побагровел булочник.

– Или, к примеру, вы можете привязать её рядом с собственными ногами, тогда вам будет легче ходить, – подала ещё одну мысль Жанна – как ей казалось, здравую.

– Вы что, издеваетесь надо мной? – толстые щёки булочника заколыхались, как морские волны. – Убирайтесь вон отсюда, маленькие грязные попрошайки, и забирайте с собой эту отвратительную вещь!

...Первой из булочной выскочила нога, за ней выбежала втянувшая голову в плечи Жанна, а Жан, напоследок одарив булочника крепким ругательством, опрометью кинулся вслед за ними.

– Сам ты вонючий, жирный!.. – остановившись на безопасном расстоянии от булочной, Жанна принялась браниться.

– Не надо, я ему уже всё сказал. – Жан осторожно протянул руку и коснулся скачущей рядом механической ноги. Наощупь она была как настоящая человеческая кожа, только прохладная.

– Ну и ладно, – сердито потрясла кулаком Жанна. – Слышал, что сказал толстяк? Это всего лишь протез. Надо продать его докторам.

– И где мы возьмём докторов?

– Ну... в больнице? – Жанна высоко подняла брови. – Я тебя не понимаю. Такое чувство, что ты не хочешь от неё избавиться.

Так и есть, вдруг понял Жан. Я не хочу от неё избавиться.

– А зачем нам от неё избавляться? – хмуро спросил он сестру.

– Ты что?! – поразились Жанна. – Зачем нам эта пакость? Ты ведь сам только что утверждал, что от неё никакого толку!

Жан с сомнением посмотрел на ногу, которая, кажется, определилась с симпатиями и теперь прыгала вплотную к нему.

– Ну она... такая забавная, – постарался объяснить он, – она как собачка.

– Ты рехнулся! – всплеснула руками Жанна.

Но Жан уже всё решил. Продавать ногу они не будут.

– Я заработаю, – решительно сказал мальчик, – куплю у Питера Пина нераспроданные газеты и постараюсь всучить их кому-нибудь. Всё как обычно. И не забывай, у нас ещё есть золотые часы. Продадим их, на это и позавтракаем.

– Слушай, – хрипловато сказала Жанна, – она мне не нравится. Она мерзкая. Нам нужно от неё избавиться. Не хочешь продавать её – давай просто привяжем эту жуткую ногу к дереву и убежим, чтобы она нас не нашла.

Жан не знал, что на это ответить.

– У неё и так наверняка скоро кончится завод, – еле нашёлся он. – надо просто подождать.

Украденные намеренно часы ребята благополучно продали знакомому скупщику. Увидев, что на крышке брегета выгравировано имя владельца, скупщик нахмурился и дал в три раза меньше обычной цены. Но и этим деньгам Жан и Жанна были рады, будто манне небесной.

Увидев нетерпеливо топчущуюся на месте ногу, скупщик не проявил ни капли любопытства, но предложил за «протез» полсовершенна. Жан отказался, прежде чем Жанна успела открыть рот. Потом сестрица ещё целый час на него дулась и делала вид, что не замечает его попыток заговорить.

Купив у уличной торговки несколько пирожков с ливером, дети поели на ходу. Покупать нераспроданный тираж утренних газет было ещё рано, для охоты тем более. Так что они принялись заниматься тем, что у них лучше всего получалось: начали слоняться по городу и выглядывать, где чем можно поживиться.

Весна в этом году была мрачная, как ноябрь и февраль вместе взятые. Снег почти совсем стаял, но лужи неделями стояли на одном месте, даже не пытаясь высохнуть или впитаться в землю. Посаженные заблаговременно цветы ещё не проклюнулись, почки на деревьях набухли, но не открывались, оставшись грязно-бурыми комками, прилипшими к веткам. Кругом бродили голодные собаки и кошки, круглосуточно каркали вороны, жалуясь на гнетущую непогоду. Злондон выглядел таким серым, будто его нарочно запорошили пеплом и сверху хорошенько пролили водой, чтобы он совсем отсырел и зачах.

Но жизнь продолжалась. По улицам ездили кэбы и новомодные автомобили, люди спешили по своим делам, джентльмены собирались группками в маленьких кафе и обсуждали свежие газетные новости. Весёлые, несмотря на всеобщий сплин, дети бегом неслись в школу и распевали на ходу популярную в последнее время песенку:

*Дома не скрывать, не прятаться в школе,
Всюду найдёт тебя чёрная Долли!
Бедный, богатый, красивый, рябой, —
Чёрная Долли придёт за тобой!*

— Что вы думаете об этих кошмарных похищениях детей? — спрашивал один господин другого. Несмотря на хмурую погоду, они сидели за уличным столиком и тянули крепкий чай из чашек.

— Я уверен, что это просто газетная утка, сэр, — отозвался второй, интеллигентно пожав плечами.

*Сына гулять не пускай в одиночку,
Долли утащит и сына, и дочку!*

— Однако многие газеты печатают эти новости из номера в номер... Что это, заговор редакторов? Но зачем им это?

— Думаю, тут всё просто. Пока все захвачены поисками маньяка, охотящегося на детей, никто не обращает внимания на другие, более важные новости...

*Лучше, мамаша, за деткой гляди,
Долли стоит у неё на пути!*

— Более важные?

— Конечно. Вы слышали о том, что сейчас происходит в Европе? Его Величество король очень обеспокоен...

*Детям от смерти спасения нет:
Чёрная Долли их съест на обед!*

— Чёрная Долли поймает ребят, жалобно косточки их захрустят! — подхватила Жанна страшенькую песенку.

— Ой, не надо это петь, пожалуйста, — поморщился Жан, — у этой песни с каждым днём становится всё больше куплетов. Вот и Люси она совсем не нравится...

— Люси? Какой Люси? — удивилась Жанна.

Жан вздохнул и показал глазами на ногу.

— Надо её назвать как-нибудь. Почему не Люси?

— Ты точно рехнулся! — после минутной паузы постановила Жанна.

Больше они к этой теме не возвращались.

Глава 5

Синь

Нанятый нами ещё на вокзале экипаж остановился у ворот мрачного, облупленного трёхэтажного здания. Над покосившимися воротами висела воодушевляющая надпись:

Образцовый отель «Верёвочка»

– Добро пожаловать в отель «Верёвочка, Мыльце и Табуреточка!» – расхохоталась Козетта.

Похоже, непрезентабельный вид нашего нового обиталища её несколько не смутил. Моя подруга выпорхнула из кареты, точно бабочка слетела с цветка, и бойко застучала каблучками по мостовой. Я вылезла следом, увы, далеко не так изящно, и тут же промочила ноги, так как ступила прямо в лужу.

Слегка приподняв подол, так что показались безупречно стройные щиколотки в белых чулках, Козетта перескочила через месиво грязи у порога и воспользовалась дверным молотком. Ждать нам пришлось долго. Наконец, несколько минут спустя пожилой швейцар в засаленном фраке сообразовал впустить нас на территорию отеля.

Дом был окружён чем-то, что с большой натяжкой можно было бы назвать садиком. Чахлые пучки прошлогодней травы, склизкие от растаявшего снега, неровными кучами лежали на земле, окружённые высохшим кустарником. Круглые клумбы были украшены обломками морских ракушек, успевших посереть и порыжеть от времени.

Я поёжилась и крепче обхватила свой саквояж. Как это место было непохоже на те крошечные уютные гостиницы, в которых мы останавливались, когда гостили во Франции! Неужели в Злондоне все отели выглядят подобным образом?

Но внутри здание оказалось ещё хуже, чем снаружи. Я не знала, на что первое обращать внимание: на куски штукатурки, валяющиеся прямо на полу, на шторы с подпалинами или на отвалившееся от лестницы перило. Ничуть не смущаясь убогой обстановки, швейцар заковылял по скрипучей лестнице наверх. Он и не подумал взять наши саквояжи или позвать мальчика-слугу, чтобы тот помог нам.

Наш с Козеттой номер представлял собой маленькую комнату, в которую влезал только старый рассохшийся шкаф и две кровати. Окно было так густо засижено мухами, что сквозь него едва проникал бледный солнечный свет. Я подозрительно принялась: воздух в комнате был тоже какой-то нездоровый.

– Н-да, – сказала Козетта, когда швейцар, скрипнув поясницей, поклонился и исчез, – вот это настоящая образцовая дыра!

– Пойдём отсюда, – попросила я.

– Уйдём обязательно, – заверила меня Козетта, присев на кровать, – только дождёмся заказчика. Не зря же мы с тобой тащились в такую даль! Чую, нам предстоит что-то интересное.

Я вздохнула. Пытаться переубедить Козетту, когда она чем-то увлечена, – пустое занятие.

Наверное, не стоит объяснять, чем мы занимались во Франции. Козетта была убийцей. Не случайной, а вполне себе закоренелой преступницей, которая умела метко стрелять и не испытывала ни малейшей жалости к своим жертвам. Впрочем, к её жертвам мало кто испытывал жалость: это были на редкость отвратительные люди. Козетта соблюдала своеобразный кодекс чести, избавляясь только от тех людей, которых лично она считала негодными для существования. От её красивой, но не знающей промаха руки гибли преступники, на которых суд отчаялся найти управу. Козетта расправлялась с ними легко и изящно, будто это были

не живые люди, а пряничные человечки. Она была очень красивой, умной и смелой девушкой. И я гордилась тем, что она считает меня своей подругой.

Одобряла ли я «работу» Козетты? Да мне было всё равно. До встречи с ней я вообще не замечала никого вокруг, для меня существовал только один... ну хорошо, только два человека. Видимо, такова особенность моей души: я не умею любить всех понемножку. Если я кого-то полюблю, то это чувство захватит меня целиком. Остальные люди не имеют для меня значения – что они есть, что их нет. Это не значит, что я желаю им зла. Просто мы с ними живём в разных мирах.

Если бы меня хоть немного волновал вопрос, хороший ли человек я сама, то на него я ответила бы однозначно: нет. Возможно, в своей короткой жизни я и не совершила ничего слишком плохого, но и добра никому не принесла. Моя дорогая Хина умерла из-за меня. Я помогла Козетте расправиться с Бодлером, которого наняли, чтобы убить одного нашего общего знакомого. Я и теперь пыталась ей помогать, хотя толку от меня было немного. Я прилежно изображала туповатую, но преданную китайскую служанку Синь (тут мне даже играть не приходилось), но непосредственно к «работе» Козетта меня не допускала.

А ещё она никогда не обсуждала со мной своих клиентов. В Злондон мы прибыли, потому что Козетта получила новый заказ. Очевидно, это был какой-то особенно большой и важный заказ, если подруга, не любившая Англию и бывшая, как я подозреваю, не англичанкой по месту рождения, так резво оборвала все связи в Париже, организовала собственные похороны от чахотки и тайно пересекла Ла-Манш. Я не задавала вопросов. Мне в радость было само её присутствие в моей жизни.

Однако номер в отеле «Верёвочка» меня шокировал. Как-то он не вязался в моём представлении с щедростью заказчика, способного оплатить услуги самой Козетты, которая к своим девятнадцати годам уже успела стать легендой в преступном мире. До этого мы с Дори-тян успели пожить в разных местах, но таких жутких апартаментов нам видеть ещё не доводилось. Даже тот бедный угол, в котором я обитала в прошлой жизни, был светлее и куда чище. Как все японки, я терпеть не могу грязь и с трудом выношу дурные запахи. Но Козетта, несмотря на всю свою утончённость, была гораздо выносливее меня.

– Думаю, сильно распаковываться не стоит, – жизнерадостно заявила она, осторожно пробуя кровать на прочность, – вряд ли мы тут задержимся. Садись давай, Синь, и сними эти жуткие промокшие туфли. Надо позвать прислугу, чтоб растопили камин. Гм, кажется, мой новый клиент переборщил с конспирацией...

Говоря всё это, Козетта сама скинула туфли и с ногами забралась на кровать. Тут же раздался хруст: треснула ножка.

– Мне кажется, тут живут клопы, – предупредила я, стараясь не приближаться к своей кровати.

– Да, с клопами я давненько не ночевала, – согласилась Козетта, – но не беспокойся, Сора, на людях они не селятся.

Видимо, моё лицо скривилось от омерзения, так как Козетта поспешила успокаивающе улыбнуться.

– Да всё отлично! Проведём встречу с заказчиком и смоемся отсюда.

– Мне сейчас уйти? – спросила я.

– Зачем? – удивилась Козетта. – А впрочем, как хочешь. Соскучилась по городу? Иди погуляй, если не нравится здесь сидеть.

– Как скажете, госпожа, – и я изобразила поклон. Сама не знаю, зачем я это сделала.

Козетта закатила глаза, а я поспешила к выходу вместе с Хиной, лежащей в саквояже. Мне не терпелось покинуть это помещение.

На улице было дождливо и довольно прохладно, особенно для весны, но я была одета в тёплый дорожный плащ. Козетта заведовала нашим общим гардеробом и не разрешала мне

«разгуливать как пугало», то и дело покупая разные платья. Большинство из них я просто не могла носить: моя скромность протестовала против фасонов. Но я была благодарна за тёплые вещи, которые защищали меня от холода и одновременно делали незаметной. Когда я шла по тротуару в своём тёмно-коричневом плаще, никто не таращился на меня как на заморскую зверушку. И это было приятно.

Я прожила в этом городе целый год, но так и не смогла привыкнуть к его постоянной сырости и неустойчивой погоде. Я скучала по пышным зелёным зарослям и покрытым лесами горам, которых было так много на моей родине, по цветущим в любое время года крупным и ярким цветам, по крошечным каменным святилищам, скрытым в густой тени растений. Здесь, в Злондоне, было слишком много камня, дерева и кирпича, и слишком мало неба. Чрезмерно высокие дома казались исполинами, держащими на сутулых плечах комковатый небесный свод. А ещё здесь было бесчисленное количество труб, и они постоянно дымили.

Моего слуха достигла песенка, которую очень фальшиво распевали детские голоса:

*Чёрная Долли свой ножик наточит,
Скоро на голову станешь короче!*

Репертуар вполне соответствовал погоде. Я неторопливо шла вдоль стеклянных витрин, за которыми лежали и пытались выглядеть привлекательно бледные свиные окорока, жёлтые сыры, мужские трости с набалдашниками в виде змеиных головок и женские туфли из лакированной кожи. Когда я проходила мимо обувного магазина, из него выскочил, чуть не сбив меня с ног, вихрастый мальчишка, сжимающий в руке одну-единственную дамскую туфлю. Не обращая внимания на крики продавцов, он кинулся наутёк и быстро исчез в запутанных коридорах улиц.

Я на несколько секунд задумалась, что он будет делать с единственной украденной туфлей. Может, хочет сделать из неё кораблик и пустить по ручью? Станный мальчик.

Зайдя в булочную, я купила бублик с изюмом и принялась неторопливо его жевать, продолжая свою прогулку. Торопиться мне было некуда. Встречаться с козеттиным «клиентом» не хотелось совершенно.

Я прибыла на улице часа три, терпеливо наматывая круги по кварталу. Злондон я знала плохо, но смогла догадаться, что та часть города, где нас поселили, располагалась весьма далеко от престижного центра и весьма близко к трущобам, где жили одни бедняки. Вероятно, здесь квартировал так называемый «средний класс», причём намного более средний, чем принято считать. Даже маленький ухоженный сквер, мимо которого я прошла целых три раза, при более пристальном рассмотрении оказался местом ночлега для бездомных: несмотря на уже далеко не ранний час, на одной из скамеек лежал и похрапывал человек без шляпы и ботинок. Гуляющие дети со своими спутницами спокойно проходили рядом: значит, привыкли к таким зрелищам.

Наконец даже плащ перестал меня спасать от промозглой мартовской сырости: я замёрзла. Решив, что Козетта уже наверняка освободилась и ждёт меня, я поспешила обратно в отель «Верёвочка». На второй взгляд он показался мне ещё более отталкивающим: хотя, казалось бы, куда уж больше.

Козетту я застала там, где и ожидалось: в отведённой нам комнате. Моя подруга сидела на кровати, скрестив руки на груди, и полыхала от злости.

– Что случилось? – спросила я, сразу почувствовав перемены в её настроении.

– Ничего особенного, – сквозь зубы отозвалась Козетта, – просто этот мерзавец решил надо мной поиздеваться.

– Какой мерзавец?

– Клиент мой, кто же ещё! – выкрикнула Козетта и ударила кулаком по матрасу. Слабые пружины жалобно завизжали, трещина на кроватиной ножке стала глубже.

– А кто он? – глупо переспросила я, удивившись такой реакции. Козетту было трудно вывести из себя.

– Откуда я знаю, я его не видела, – Козетта швырнула мне какую-то бумажку, – вот, полюбуйся!

Я подняла с пола записку, написанную от руки на четвертушке почтовой бумаге. Послание гласило:

Дорогая госпожа К.!

Прошу прощения за то, что не смогу посетить вас сегодня. Ваш поезд прибыл на день раньше, чем мы планировали, и это спутало наши планы. Пожалуйста, располагайтесь в предоставленной вам комнате и ждите новых известий. Я обязательно вскоре выйду на связь с вами.

А.

– Он со мной в записки играть вздумал? – запальчиво крикнула Козетта. – Это просто наглость! Видите ли, они не подготовились к нашему приезду! И кто это «они»?

Я ещё раз внимательно прочитала записку. Её содержание не показалось мне оскорбительным, но я ведь не знала, как обычно происходит обмен договорённостями между Козеттой и её... гм... заказчиками.

– Кто принёс записку?

– Старикан во фраке. Так, дай мне её сюда обратно, я напишу ответ, – потребовала Козетта.

Я протянула бумагу и достала из саквояжа самопишущее перо. Козетта перевернула письмо обратной стороной, приложила её к собственному колену и быстро накарябала несколько слов. Я смогла прочитать:

+30% к моему гонорару. Моё время стоит денег. К.

– Убедительно, – кивнула я.

– Теперь надо как-то передать её обратно. Где там наш старикашка?

Похоже, с прислугой в этом отеле была серьёзная проблема. Мы звонили в колокольчик, потом кричали, но старый равнодушный слуга прибыл лишь через четверть часа. Ему не было никакого дела до нашего раздражения. Просьба Козетты «вернуть отправителю», высказанная самым многообещающим тоном, слугу напугала. Он с поклоном принял записку обратно и исчез.

– Бесит! – крикнула ему в спину Козетта. – Ненавижу, когда мной пытаются управлять!

Она ещё несколько раз топнула ногой, так что с потолка посыпались пыль и паутина, и только потом несколько успокоилась.

– Ну что ж, придётся остаться здесь на ночь. Ничего не поделаешь, – уныло заключила она.

Я посмотрела на покосившуюся кровать Козетты и на свою собственную, похожую на похоронные дроги.

– Вот прямо здесь? – на всякий случай уточнила я.

– Вот прямо на клопах. Чтобы прочувствовать всю прелесть жизни небогатого злондонца. Считаю, что это приключение! – Козетта ещё раз вдарила кулаком по кровати. Ножка отломилась. Кровать осела на один бок.

– По-моему, это самое кошмарное место, где я была, – сказала я. – Буду спать не раздеваясь.

– Да уж, – кивнула Козетта, – ну что, попробуем заказать обед в номер или не будем рисковать? При плохом раскладе мы обе и до завтра не доживём. Тут, наверное, мышей под соусом подают. И старые тапки, жареные в пламени гнева здешних постояльцев.

– А я не видела здесь больше никаких постояльцев... – я невольно покосилась на непрочно закрытую дверь

– И я не видела. Да, всё это подозрительно, очень подозрительно. Ну ничего, разберёмся.

Мы прошлись до булочной, где выпили чаю с пышками. Потом вернулись в гостиницу и кое-как выпросили у дремлющего стоя швейцара сальную свечу и коробок спичек. Спать легли поверх покрывал, так как боялись увидеть постельное бельё. Укрылись своими дорожными плащами и постарались не обращать внимания на холод и вонь сгоревшей свечи.

Я спала без пробуждений, но сон был выморочный, рваный. Мне хотелось или крепко заснуть, или уж проснуться, но я не могла. Я вертелась с бока на бок, не в силах понять, что мне так сильно мешает провалиться в блаженную дрему из сновидений. Насекомых на своём теле я не чувствовала, сырости тоже...

Скрип. Мне не давал спать скрип. Не настолько громкий, чтобы разбудить спящего, но достаточно отчётливый, чтобы вторгаться в сон и будоражить нервы. Во сне я увидела Хину, очень бледную и плохо одетую, которая сидела на земле, положив на колени кото – музыкальный инструмент вроде цитры. Она трогала то одну, то другую струну, и струны издавали совершенно невыносимые для слуха дребезжащие звуки. Я просила её прекратить, но Хина не обращала на меня никакого внимания. Похолодев, я поняла, что вижу её в загробном мире, где она очень несчастна.

Конечно, всё это был бред. Я не могла заглянуть за грань жизни и увидеть, каково там приходится моей первой и самой любимой подруге. Тем не менее, проснувшись я вся разбитая, с больной головой и спутанными мыслями. Подтянув колени к груди, я свернулась в комочек под своим плащом, зевнула и обвела мутными глазами комнату.

– Дори-тян, – хрипло позвала я, окончательно проснувшись.

Козетта, спавшая раскинувшись на спине, нахмурила точёные брови и только слегка повела плечами.

– Проснись быстрее! Козетта!

– Чего тебе?

– Да открой ты глаза! Тут что-то не то.

На полу лежал ковёр – вчера вечером ковра точно не было. Окно стало светлым, чисто вымытым, и украсилось кисейными шторами. Откуда-то взялся столик с бюро и набором письменных принадлежностей. В целом, комната выглядела куда лучше, чем накануне.

Козетта несколько раз моргнула, переводя взгляд с предмета на предмет.

– Это то, что я думаю? – спросила она.

– Ты слышала скрип ночью? – я почувствовала, что задыхаюсь.

– Слышала. Так это то, что я думаю?

Я ещё раз обвела глазами преобразившуюся комнату и безнадежно прошептала:

– Но ведь такого не может быть...

Глава 6

Ли

Ещё пока бежал вниз по лестнице, я думал: да ну, чушь это всё, не может такого быть. Дядюшка посмеяться решил, подразнить меня. С юмором у меня дядюшка. Кто же здорового человека отправит в лечебницу для душевнобольных? В наше-то время? У нас ведь не средневековые какое-нибудь, не каменный век. Есть конституция, есть законы, есть права человека. И потом, я же Морган! Я же неприкосновенный, со мной нельзя, как с обычными людьми! И отец никогда не позволит!

Но у порога стояла медицинская карета. Да не простая, а с серым непрозрачным кожаным, без окон, и с дверцей, запирающейся на ключ. В такой буйных психов возят, которые чуть что бучу устраивают и кусают санитаров, а потом сбежать пытаются. Санитары, кстати, тоже обнаружили: два здоровенных детины с ручищами, будто окорока. И они эти руки распахнули, словно приготовились принять меня в крепкие дружеские объятия. Двинулись такие мне навстречу, со своими граблями.

То ли у меня от страха ловкость увеличилась, то ли сработала водительская реакция, но, в общем, не поймали они меня. От объятий я увильнул, под ручищами поднырнул и бросился во всю прыть по улице, задыхаясь. Подумал, что они сейчас за мной погонятся. А за ними ещё дядя Генри с этим доктором-мозгоправом, как бишь его.

Страх подгоняет лучше прицельного пинка. Я сам не заметил, как пролетел четыре квартала, потом свернул и помчался между домами, сам не зная куда. Одна мысль в голове вертелась: здесь карета не проедет. А раз не проедет, то меня и не заберут, не заберут, не заберут...

Утешение было так себе, это я понимаю. Но тогда я ни о чём не думал, просто старался убежать как можно дальше. И бежал до тех пор, пока ноги держали. С перепугу влетел в какой-то сквер, расшугал стайку голубей, которую кормила крошками девочка с няней. Голуби разлетелись, девочка заплакала, её няня начала что-то мне выговаривать. А у меня в ушах так кровь стучала, что я ничего не услышал и не понял.

Потом я отдышался немного. Рухнул на скамейку, чувствуя, как ноги дрожат. Сердце так ухало, что я испугался: ну как помру от сердечного приступа прямо сейчас? То-то дядюшке радости будет! Нет уж, обойдётся, упырь.

Сидел я так, сидел, дыхание восстанавливал, ногами переставал дрожать, учился размышлять заново. Сбежать я сбежал, кажется. А дальше что делать?

Вариант первый. Он же последний. Надо обратиться к отцу и рассказать ему про все подлости дяди Генри. Пусть отец этого паука прогонит, а меня, наоборот, поблагодарит за бдительность и приобщит к работе.

Ну хорошо, а что если отец меня слушать не станет, а дяде Генри поверит? Тем более если и врач сказал, что у меня шизофрения. Запрут ведь меня в то заведение, которое раньше мне и в страшных снах не могло присниться! Навещать будут раз в год, под Рождество. И никогда, никогда больше не выпустят.

Нет, домой возвращаться нельзя. Нельзя до тех пор, пока я не найду веские доказательства того, что два года назад со мной приключился не приступ бреда, а самая настоящая фантасмагория. Отец умный человек: если его убедить, он поверит. А на дядю Генри плевать: пусть сам запутается в своей паутине.

Значит, решено: нахожу доказательства, потом возвращаюсь! Ага... Вот только где же я найду те доказательства? Дом разрушен, люди разбрелись, кто куда. Ничьих адресов у меня не осталось.

Бен! Бен где-то в Злондоне. Я сам его до города довёз, а потом он поблагодарил и вышел на окраине, весь какой-то пришибленный. Ну мне тогда совсем не до него было, я домой торопился. Даже не спросил, куда он пойдёт. Сейчас бы найти Бена да расспросить его хорошенько...

А кто ещё мне может помочь? Куница, Козетта и эта... забыл... вторая девчонка, короче, – исчезли в неизвестном направлении. Может, уехали из города, может, из страны. Ищи-свищи. Нет, это безнадежно.

Остаётся один Бен. Как же его звали полностью? Какая-то польская фамилия. Чёрт, никак не вспомнить. Ну что за память у меня, всё забыл!

А потому и забыл, что надеялся никогда больше ни с чем подобным не столкнуться. И на тебе! В родном доме опаснее оказалось, чем где-то посреди леса и с Бодлером-убийцей под боком.

Так, что же всё-таки делать? Есть мне пока не хотелось, пить тоже. Но я знал, что скоро время обеда, а значит, я захочу подкрепиться. Сколько денег у меня с собой? Кое-что имеется, но это же кот наплакал. На что я буду жить, интересно, если домой мне возвращаться пока нельзя?

Положение выглядело отчаянным. Я встал со скамейки и побрёл, не разбирая дороги. Снова едва не наступил на голубя, получил порцию ругани от няньки и с завистью подумал, что вот голубя-то кормят, а меня нет. Что за несправедливость!

Улицы вокруг были какие-то мрачные. Я по таким никогда не ходил и даже не ездил. Фонари побиты, под ногами каша из грязи. И прохожих мало. Такое чувство, что все по домам заперлись и сидят. Хорошо, что светло было, а то бы вообще кошмар.

Ну вот ходил я так, ходил и ничего не выходил. Думал, вдруг удастся кошелек чей-нибудь найти. Это бы все проблемы решило! Ведь находят же люди чужие кошельки? Находят. А я чем хуже?

Но потом я увидел, как две дикие собаки грызутся даже не за кость, а за хлебную корку, и совсем приуныл. Нет, в этих местах кошельки на улице просто так не валяются.

Иду так, иду, думаю грустные мысли, ни к кому не пристаю. И тут на меня как напрыгнет какой-то шкет! Будто из-под земли выскочил. И давай тыкать мне в грудь чем-то тупым и хрустящим. Как оказалось – пачкой газет.

Я от такого натиска даже оторопел. Знал я, конечно, что уличная шпана бесцеремонная, но чтоб до такой степени!

– Сэр, купите газету! – заголосил парнишка, напирая на меня, как войско на крепость. – Только самые важные новости! Очевидцы утверждают, что видели возле Тауэра предполагаемую похитительницу детей, известную как Чёрная Долли. Злоумышленница вела за руку очередную жертву, причём вид у ребёнка был одурманенный. Бдительные граждане попытались остановить злодейку и вызвать полицию, однако Чёрной Долли удалось скрыться с непостижимой – так и написано, «с непостижимой» – быстротой...

– Отстань от меня! – опомнившись, с попытался его оттолкнуть. Да не тут-то было!

– На второй странице сообщается, что Его Величество король собирает экстренный совет по положению в Европе... Ну, это вы сами прочитаете, сэр. Вам интересны новости политики? Или лучше наука, культура?

– Лучше отвали! – проорал я. Бесполезно.

– Вы зря так беспечны, сэр! – не унимался мальчишка. – Когда беда коснётся вашего родственника, вы пожалеете, что не приняли меры безопасности. Вчера похитили ещё одного ребёнка...

Он продолжал напирать на меня и толкать пачкой газет, так что я уже едва держался на ногах. Самое странное то, что мне казалось, будто меня теснят не с одной, а с двух сторон. Но как я ни вертел головой, мне в глаза всё время лез этот наглый шпанёнок.

– Мне не нужны газеты! – с повысил голос, надеясь, что он отстанет. – У меня нет денег! Да, даже на газету! Оставь меня в покое!

– Всего десять центов, сэр! Во второй половине дня газеты продаются со скидкой! Не упустите свой шанс узнать самые свежие...

Он точно собирался меня измучить. Я уворачивался от его приставаний, как только мог, но невидимое кольцо вокруг меня продолжало сжиматься. Вдруг мне наступили на ногу. И ещё раз, и ещё.

Я машинально опустил глаза и увидел... такое множество ног, что мне показалось, будто у меня двоится... или, скорее, даже троится в глазах. Я увидел шесть топчущихся на месте ботинок и одну ногу в девчоночьей туфельке с пряжкой.

– А-а-а-а! – заорал я и начал махать руками. Нет, ну а вы бы что сделали на моём месте?

Кольцо разомкнулось. Я ошалело заколыхался из стороны в сторону, чувствуя, как расплывается в глазах изображение реальности. Я разглядел двух совершенно одинаковых мальчишек, которые с одинаковой злобой уставились на меня, и одну голую ногу – отдельно от какого бы то ни было туловища. Именно эта нога и оттопталась сначала на моих ботинках, а потом воинственно запрыгала вокруг.

– Жан, уйми ты её! – крикнул мальчик-отражение.

– Как? – развёл руками второй мальчик. – Если она решила, что надо напасть, то нападёт! Люси, фу!

– Она – не – собака! – ещё громче заорал первый.

Как там говорил доктор – шизофрения? Кажись, доктор был не так уж и неправ. Во всяком случае, бредовые видения у меня, очевидно, случаются.

Пока я хлопал глазами, одинаковые мальчишки перестали обращать на меня внимание и принялись ругаться друг с другом. Доходило до меня долго. Я вообще не гигант в том, что касается умственной работы. Кое-как дотумкал, что их действительно двое, и что они близнецы.

А про прыгучую ногу нет, ничего не дотумкал.

Уличные бродяжки оба были вихрастые, веснушчатые, с большими карими глазами. Одеты в широченные брюки, клетчатые рубашки и кепки, лихо сдвинутые набок. Руки у обоих в царапинах, голоса звонкие, резкие.

– Я тебе говорила, что она нам всё испортит! – вопил один из мальчишек, почему-то называя себя в женском роде. – От неё пора избавиться, а то нам скоро есть нечего будет!

– Да успокойся ты! Обе успокойтесь! – надрывался второй.

Я хотел было смыться под шумок, чтобы не участвовать в этом представлении, но ничейная нога, будто почуяв мои намерения, тут же перегородила мне дорогу воинственными скачками.

Я со злостью повернулся к грызущимся между собой детишкам:

– А давайте вы сначала уберёте свою... э-э-э... ногу, а уж потом будете выяснять отношения! Мне надо идти, вообще-то!

Первый беспризорник тут же снова повернулся ко мне:

– И куда ж ты так спешишь, интересно, почти без денег? Я проверила, у тебя в карманах как-то слишком пусто для пижона!

Так они всё-таки пытались меня ограбить! Естественно, а что же ещё. И не просто пытались, а ограбили.

– Эй, верни деньги! – возмутился я.

– Ещё чего! – фыркнул этот грабитель. – Что ко мне в руки попало, то пропало!

Вот чёрт! Я попытался схватить наглую малявку за плечо, но он с лёгкостью от меня увернулся.

– Но это мои последние деньги! – мне не хотелось их упрашивать, а что было делать?

– Ага, как же! – забыв про недавний спор, близнецы встали плечом к плечу, со злобной насмешкой глядя на меня. – Что-то ты слишком хорошо одет для бедняка!

– Одежда – это всё, что у меня есть. И немного денег. Верните, а? – от ужаса, что сейчас я останусь совсем без средств к существованию, у меня защипало глаза. Ну не хватало ещё разреваться здесь перед детьми.

Ребята переглянулись.

– Мы тебе не верим! – заявили они.

– Но это правда! – от растерянности я шмыгнул носом. – Я сбежал из дома, я... Мне нечего есть, мне негде жить!

Тут один из мальчишек скептически поднял левую бровь, а второй – правую. Они ни капельки мне не верили.

– Ну извини, – без всякого раскаяния произнёс мальчик, который, очевидно, считал себя девочкой, – мы добычу не возвращаем. Надо было лучше по сторонам смотреть, умник.

У меня просто руки повисли. Я предпринял ещё одну попытку схватить кого-нибудь из детей, но они оба с хохотом увернулись. А тут ещё на меня снова наскочила их бешеная нога и больно лягнула под колено. Я взвыл:

– Да за что вы так со мной! Я же вам ничего плохого не сделал!

И у меня из глаз покатались слёзы. Ну а что, позориться так позориться.

Выражение одинаковых лиц у малолетних злодеев сменилось со злобного на презрительное. Но в их круглых карих глазах мне померещилась жалость.

– Деньги не вернём, – едва заметно вздохнув, повторил мальчик с пачкой газет. – Уж извини. Это наш заработок. Каждый выживает как может.

– А я не умею выживать, я... – «Морган», хотел сказать я. Но вовремя опомнился и прикусил язык.

– Устройся на работу, – пожал плечами уличный вор, как будто в этом не было ничего необычного.

– На какую ещё работу? Я же ничего не умею! – признаваться в этом было противно. Я ведь и сам только что осознал, что таки да, ничего-то я не умею. В свои 18 лет.

– Совсем ничего не умеешь? – искренне удивились близнецы. – Да не ври, все что-то да умеют. Даже мы.

– А я нет. Разве что, – я задумался, – управлять автомобилем.

Дети снова посмотрели на меня с презрением.

– А говоришь, что ничего не умеешь. Разве этого мало?

– А кем я могу работать с таким умением? – не понял я.

– Кем? Да шофёром, дубина! – одновременно скривились грубияны. – Шофёры много где нужны!

– Где, например? – я с сомнением посмотрел на их кривые ухмылки.

Тут разбойники снова переглянулись. Они явно задумали какую-то пакость против меня. Но сколько бы я ни злился, сколько бы ни ругался, мне ничего не удавалось предпринять. Сила была на их стороне. Ненавижу детей!

– А мы знаем один дом, где нужны шофёры, – очень неприятным голосом сказал парень с газетами, – обратись туда, там тебя точно примут.

– Точно-точно, – прищурившись, подхватил второй, – мы сами видели, как к порогу подъезжали самоходные повозки. И даже не одна, а несколько.

– Если там есть автомобили, значит, и шофёры нужны, – логически заключил первый.

Лично мне это не показалось убедительным. Если у владельца дома есть автомобиль, да ещё и не один, – значит, этим богатством уже кто-то управляет. И зачем там я?

– Пошли-пошли, – один из мальчишек поманил меня грязным пальцем, – мы тебя проводим.

Ну я и пошёл за ними. Глупо, конечно. Но они хотя бы что-то предлагали, а я знать не знал, куда мне идти.

Мы долго петляли по каким-то ходам-переходам, так что я сбил все ноги, замёрз и проголодался. Дети шли не переговариваясь и не оборачиваясь ко мне, нога в туфле скакала за ними. Когда я отставал, она поворачивалась носком ко мне, будто спрашивала: ну, чего мешкаешь? За минувший день произошло столько всего ужасного, что это зрелище меня даже не удивило. Я убедился в том, что нога – не галлюцинация, а ничего больше мне в тот момент и не надо было знать.

Короче говоря, некоторое время спустя проводники завели меня в какой-то двор и остановились.

– Во-о-от тот дом, – грязный палец снова выдвинулся в направлении довольно невзрачного трёхэтажного здания.

Я посмотрел. До здания оставалось шагов сто, но подходить ближе замарашки почему-то не стали. Дом выглядел довольно старым, но ещё вполне крепким и солидным. Главное, что малышня не наврала мне: у крыльца действительно стоял автомобиль. Правда, всего один. Но мне-то больше и не надо.

– Видишь? – воровато заухмылялись бродяжки. – Давай-давай, иди, нанимайся. А денежки твои мы себе оставим. Как плату за услугу!

Я открыл рот, чтобы сказать, куда они должны катиться со своей услугой, но мелких поганцев уже и след простыл.

Глава 7

Жан и Жанна

Жанна ужасно злилась. Она не могла понять, что происходит с братом. В их компании появился третий лишний, и с его присутствием Жанна не собиралась мириться.

Они всегда были вдвоём. Всегда. И в раннем детстве, и позже – в сиротском приюте. Друзей у них не было, домашних животных тоже, потому что не было и дома. Жан и Жанна считали, что для общения им вполне достаточно друг друга. Они были вдвоём против всего мира. И знали, что никогда не расстанутся.

И тут появилась эта...

С одной стороны, конечно, смешно ревновать родного брата к какой-то механической штучковине, которая даже не человек и не животное. С другой стороны, какими-то зачатками соображения эта омерзительная вещь обладала. «Люси», как назвал её Жан, выглядела точь-в-точь как детская ножка – маленькая, бледная и тонкая. Когда-то и у Жанны были такие ножки. Но теперь она выросла. А эта нога будто бы принадлежала ребёнку лет семи. И, вероятнее всего, девочке.

Сначала Жан забеспокоился, что ноге якобы холодно и мокро. Механической ноге, сделанной из тонкой кожи и набитой соломой, оказывается, может быть холодно! Жанна пыталась вразумить брата, но он ничего не слушал. Упёрся в свою глупую идею, как осёл.

– Я достану ей обувь, – заявил Жан, – а ты со мной не ходи, жди. И ты тоже, – это он приказал ноге.

И нога его послушалась! Ушей у неё не было, но какие-то органы чувств были. Во всяком случае, она смиренно прислонилась к штанам Жанны и приготовилась ждать. Но девочка сразу её оттолкнула.

И Жан украл туфлю из обувного магазина. Выбрал самую дорогую и красивую, какая там была. Из золочёной кожи, да с пряжкой, да на каблучке! Ведь ещё и с размером угадал как-то. Жанна с завистью посмотрела на туфлю и переводила унылый взгляд на собственные грубые ботинки. Почему-то Жан никогда не делал попытки раздобыть и для неё что-нибудь красивое. Неужели даже предположить не мог, что ей могут понравиться настоящие девчачьи одёжки?

Но высказать вслух свою обиду Жанна не могла, решив, что Жан над ней посмеётся. И злилась молча.

А ведь со стороны это выглядело даже смешно: то, как Жан пытался надеть украденную туфлю на «Люси». Ноге, очевидно, не очень-то нравилось, когда к ней прикасались руками, так что Жан пытался убедить её впрыгнуть в туфлю самостоятельно. При этом он использовал и крик, и шёпот, и даже язык жестов. Нога, кажется, никак не могла понять, чего от неё хотят, поэтому прыгала на безопасном расстоянии от туфли, не приближаясь. Но стоило Жану устало махнуть рукой и отвернуться, как нога ловко ввинтилась в туфельку и тут же затанцевала на месте, выражая неподдельную радость от своей новоявленной красоты. Туфля села как влитая.

Жанна не знала, смеяться ей или злиться. Жан выглядел очень довольным.

– Надо ещё чулок для тебя раздобыть, – ласково сказал он, обращаясь к «Люси».

Этого Жанна уже стерпеть не могла.

– Я как-то живу без чулок и ничего! – с едва сдерживаемым гневом в голове заявила она. Жан поднял на сестру удивлённые глаза.

– А зачем тебе чулки?

– А ей зачем?! Может, ещё юбку ей купим? И шляпу с перьями? Пусть красуется!

– Жанна, – Жан неловко улыбнулся, – она же маленькая.

– Да о чём ты говоришь? Таракан тоже маленький, но ты ведь не торопишься одеть всех тараканов в пальтишки. А ведь тараканы-то хоть живые в отличие от этой механической дряни!

Тут вышла заминка. Жан покусывал губы, будто ему было неловко то ли перед Жанной, то ли за неё. Девочка тоже нахмурилась, приготовившись услышать, что он скажет.

– Жанна, – наконец разлепил губы брат, – мне кажется, она всё-таки живая. Ну... ты же сама видишь, что для механической штуки из винтиков и шестерёнок она слишком хорошо соображает?

– Это нога, – упрямо повторила Жанна, – ни один человек не умеет думать ногами. Ни живой, ни механический.

– Ты в этом так хорошо разбираешься? – раздраженно спросил Жан.

– Зато ты, кажется, теперь хорошо разбираешься! – огрызнулась Жанна.

Несколько минут они стояли надувшись, не глядя друг на друга. Нога в туфле прыгала между ними, поворачиваясь носком то к одному, то к другому. Жанне примерещилось, что это пёсик, который скачет между рассерженными хозяевами и каждому пытается заглянуть в глаза.

– Не будем ссориться, ладно? – попросил Жан.

– Нет, – глядя под ноги, пробормотала Жанна, – мы будем ссориться. Мы обязательно будем ссориться, если не избавимся от этой штуковины.

– Да чем она тебе мешает? – поразился Жан.

– У меня от неё мороз по коже. А у тебя нет, что ли?

В общем, в тот раз они так ни к чему и не пришли. Вообще день был на редкость неудачный. Жану удалось продать только четыре газеты, Жанне удалось пощипать только одного клиента. Да и тот оказался никуда не годной «рыбкой»: выглядел многообещающе, а денег в карманах обнаружилось всего ничего. К тому же этот вихлястый юнец каким-то образом ухитрился её засечь. А ведь раньше никому не удавалось!

Напоследок они с братом неплохо развлеклись, отправив незадачливого юнца устраиваться на службу в подозрительный домик, куда незабвенной вчерашней ночью привозили свёртки и ящики. Интересно, в остальных свёртках тоже были механические ноги или, может, другие части тела? Так или иначе, а домик жуткий и хозяева у него, видимо, с большим приветом. Жаль, не удастся узнать, что случилось с тем пижоном, которому зачем-то потребовалось бежать из родного дома.

К концу дня брат с сестрой устали переругиваться и мало-помалу вернулись к своей обычной манере общения. Почувствовав, что гроза миновала, нога по имени Люси снова принялась весело и высоко подпрыгивать. Жан наблюдал за ней с удовольствием, Жанна кривилась.

Они потратили заработанные за день деньги на традиционный обед в китайской закускойной. Оставшиеся монетки Жан тщательно пересчитал и положил в холщовый мешочек, висевший на шнурке у него на груди. С этим мешочком, в котором заключалось всё их с Жанной состояние, он никогда не расставался.

Когда на улицах стемнело, опять встал вопрос ночлега. Этот вопрос не отличался сложностью: каждый вечер ребята так или иначе находили какую-нибудь дыру, в которую можно забиться. Иногда они спали на скамейке в парке, иногда на ступеньках закрывшегося на ночь магазина, иногда забирались в пустой полуразрушенный дом. Зимой и холодной осенью они за пять центов с носа ночевали в тёплом подвале вместе с другими бродяжками. Однако теперь снег стоял и ночи стояли уже далеко не такие холодные, поэтому необходимость с кем-то расплачиваться за ночлег отпала. Нервы у ребят были крепкие, здоровье почти железное, так что они привыкли отлично выспаться на любой поверхности и под любой уровень шума.

На этот раз Жанна облюбовала широкое крыльцо некоего государственного учреждения, поверх вывески которого вот уже несколько месяцев висела жестяная нашлапка с надписью белой краской: «Реконструкция». Крыльцо защищала от снега и дождя двускатная крыша, что

было ещё практичнее и надёжнее в плане непредвиденных осадков с неба. Жанна положила под голову пачку нераспроданных газет и уснула, прижавшись щекой к статье «В Виндзорском замке состоялся экстренный совет по урегулированию международных отношений с...». Жан ненадолго задумался, на что бы лечь ему, но механическая нога внезапно предложила ему себя в качестве подушки. Удостоверившись, что Жанна уже спит и не видит этого, Жан шёпотом поблагодарил Люси и положил на неё свою голову. Нога была мягкая и упругая – «гораздо удобнее, чем газеты» – подумал Жан, уже проваливаясь в сон.

Что-то разбудило его среди ночи. Жану спросонья показалось, что каменное крыльцо под ним колышется. Спустя несколько секунд он сообразил, что это подушка-Люси, смиренно лежавшая часть ночи, ни с того ни с сего принялась биться и вырываться.

– Эй, ты чего? – шепотом спросил Жан.

Люси, конечно, ничего ему не ответила. Но продолжала отчаянно дёргаться.

Услышав копошение своим чутким слухом, проснулась Жанна и подняла голову.

– Что такое?

– Да всё в порядке, – растерянно отозвался Жан, – это Люси... С ней что-то происходит!

– Может, завод наконец-то закончился? – с надеждой в голосе предположила сестрица.

– Нет, скорее наоборот. Она как будто испугалась чего-то. Или сильно разволновалась.

– Ну да, конечно, – проворчала Жанна, – какая впечатлительная, какая трепетная нога.

Жан хотел бы улыбнуться шутке, но смешно не было. Нога вскочила и принялась прыгать по крыльцу, громко цокая каблуком.

– Тише тебе, ночь ведь! – прикрикнула на неё Жанна. Но Люси никак не отреагировала на окрик, продолжая возбуждённо скакать.

Жан устало прикрыл глаза.

– Может, она погулять хочет?

– Ага, или есть захотела, – Жанна сердито перевернулась на другой бок и старательно зажмурилась. Спать хотелось просто ужасно.

Жан, тараща сонные глаза, продолжал следить за дикими скачками своей подопечной. Вдруг его осенило:

– Жанна, мне кажется, она хочет что-то нам показать!

– Ещё чего, – еле слышно пробормотала сестрица, плотнее запахивая на себе слишком широкую рубашку.

– Тогда спи, я один схожу, – решил Жан.

– Куда сходишь? Зачем это ещё? Мало ли, из-за чего она расскалась!

Шёпотом повторяя ругательства, Жанна всё-таки переместилась из лежачей позы в сидячую, а потом в стоячую. Жан уже успел сделать несколько шагов по улице. Обрадованная его понятливостью, нога совершила какие-то совсем уж немыслимые скачки и бойко застучала каблуком по улице, направляясь в самую чёрную глубь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.